

Охота и рыбалка в России. Взгляд изнутри.
(Поговорим начистоту?)

«Молчанием предаётся Бог...»

Святитель Григорий Богослов

Исторический экскурс.

Россия, она огромна. По площади в 48 раз больше, чем Германия и в 202 раза больше, чем Австрия. Да и территория страны заселена людьми не в пример Европейским странам. Если её западная часть до Уральских гор и ближе к югу относительно обжита, то на Русском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, немногочисленные города и более мелкие поселения, часто удаленные друг от друга на десятки и даже сотни километров, жмутся в основном поближе к железнодорожным путям, а так же к промышленным центрам, созданным когда-то благодаря близости от них каких-либо важнейших для страны ресурсов. А на остальной части гигантской территории поселения имеются лишь вдоль больших судоходных рек. Что сложилось исторически, с тех самых времён, когда русский мужик двинулся в XVI-XVII веках «встреч солнца» (навстречу восхода солнца). Но не лучшей доли и не лучших земель искали отряды казаков отправляющихся на восток по царскому указу. Настала у страны насущная потребность оградить восточные границы от набегов со стороны последнего в то время татарского ханства – Сибирского, которое являлось осколком Великого Татаро-монгольского ханства, терроризирующего своими набегами не только Россию, но даже Европу в XIII - XV веках. Другим мотивом расширения границ государства, являлось желание царя пополнить казну драгоценными металлами и камнями, а главное пушниной и мехами – самым ценным в те времена товаром.

Обретение Россией новых восточных земель происходило без больших кровопролитий и особых притеснений русскими немногочисленных и разнообразных сибирских племён, что повсеместно наблюдалось при освоении европейцами Американского континента. История донесла до нас лишь отдельные стычки между казаками, вооруженными к тому времени огнестрельным оружием и сибирскими племенами, вооруженными пиками, луками и стрелами. В тех стычках русские практически всегда выходили победителями. Сила казаков и миролюбивое отношение к исконным сибирским народам, которые часто конфликтовали между своими племенами и подвергались набегам кочевников, сыграло свою ключевую роль – те признали себя вассалами московского монарха, отказавшись от зависимости платить дань Сибирскому ханству.

Теперь жители присоединенных земель стали платить дань (ясак) в русскую казну, и, как правило, пушниной, что было выгодно всем. При этом московская власть постоянно настаивала и призывала, чтобы воеводы и служилые люди бережно обращались с местным населением, уговаривали его принять подданство «ласкою, без принуждения и не взыскивали с них непосильных налогов».

Возможно единственным негативным фактором для коренных сибирских жителей, влившихся в состав России, стало то, что с приходом в их земли русских, они познали алкоголь. Имея от природы генетическую предрасположенность к пьянству (пусть данное утверждение и оспаривается сегодня некоторыми учёными мужами), часто непреодолимую тягу к спиртному, круто замешанную на собственной ментальности практически всех малых народов, когда сама жизнь в относительно узком кругу соплеменников заставляла и заставляет доказывать свою состоятельность и желание выделиться, до сего дня иногда приводит к фатальным последствиям. В царское время торговцам под страхом смерти запрещалось привозить в национальные поселения алкоголь, но власть Советов уравнила всех в правах и даже дала малым народам особые привилегии. Считая, что она этим несёт им добро. Не оставляя людям никакого выбора, принялась отбирать у родителей всех детей для учёбы в школе, где за государственный счёт полностью содержала их, но при этом отдаляла ребят от своих корней. Познав

относительно лёгкую жизнь в цивилизации, вкусив с детства все её блага, мало кто из них впоследствии возвращался в тайгу или тундру. Как и мало кто по-настоящему находил себя вдали от своих родных – «Благими намерениями вымощен путь в ад!»

Для многих читателей этой статьи будет откровением, но в советские времена, прежде чем завести в национальный посёлок, расположенный, скажем, на побережье Северного Ледовитого Океана, в магазин спиртное, все его жители без всякого принуждения бежали сдавать всё своё огнестрельное оружие до последнего ствола. При этом вертолёт с алкоголем мог вылететь в такой посёлок лишь после того, как поступала команда, что всё оружие надёжно упрятано под замок и недоступно. В противном случае, желание некоторых членов во многом закрытого общества аргументировать своё превосходство над другими – «Я лучший охотник!», «Я больше, чем ты могу добыть зверей!», «У меня лучшие олени или собаки!», «Я лучше всех стреляю!», на фоне принятой вовнутрь совсем небольшой дозы алкоголя и мгновенного попадания этого алкоголя в кровь, из-за отсутствия в организме блокирующих ферментов, напрочь отключало мозговую деятельность человека и очень часто приводило и до сего дня приводит к трагедиям. А точный глазомер, врождённое умение метко стрелять и навык в постоянном применении оружия, не оставляют шансов для оппонента в споре. (Вспомните недавний прецедент с двумя менеджерами «Газпрома» на полуострове Ямал.)

Прибавьте к этому сибирский мороз, непростые условия жизни этих людей, напрямую зависящие от природных условий, а сегодня и техники, которая имеет обыкновение ломаться и вам станет понятно, что публикуемые цифры средней продолжительности жизни по стране совершенно несопоставимы с продолжительностью жизни в небольших национальных селениях. Где в настоящее время, к сожалению, преобладает вовсе не молодёжь и не люди среднего возраста, а пенсионеры. Хотя в тех же небольших поселениях Сибири и Дальнего Востока (особенно в Саха-Якутии) всегда было немало долгожителей, перешагнувших вековой рубеж. Чистый воздух, качественное экологически-чистое питание (в основном на стол подаётся всё своё и кроме круп с хлебом мало что покупается), размеренный уклад жизни и постоянные физические нагрузки благотворно влияют на жизнь человека. Но вернёмся пока к истории.

Освоение Сибири русскими шло по большим рекам – Обь, Енисей, Лена, Амур. В стратегически удобных для освоения новых земель местах казаки построили остроги – деревянные крепости, обнесённые большим забором. На месте этих поселений и острогов со временем появились известные сегодня сибирские города – Томск, Красноярск, Иркутск, Якутск и другие. Но сами остроги и возникающие вокруг них города не могли существовать сами по себе – нужна была связь с Москвой. Потому от острога к острогу, от одного большого поселения до другого, находящегося друг от друга за сотни вёрст, потянулись дороги. Чаще всего называются «зимниками». Летом через каждые 30 вёрст (отдыха) возвели Почтовые станции государственного) подчинения, путники могли поесть и отдохнуть. деревни, которые принялись новые земли из центральной расстояния, ни сибирские морозы,

В жилищах сибиряков течёт кровь
Карпова.

Оседая на сибирских землях, селениями инородцев, где пришельцев и аборигенов. внешний облик, язык, а также быт. Многие от русских перенимали кулинарию, верования, обычаи и

только зимние, что до сего дня в Сибири же пользовались лодками и баркасами. Примерно (оптимальное расстояние для бега коня без (по-сибирски «станки») казённого (т.е. где всегда наготове были сменные лошади, а Вокруг станций сразу же стали образоваться возводить крестьяне, во множестве хлынувшие в России. Этих людей не пугали ни огромные ни трудности, встречавшиеся им на пути.

многих народов и народностей нашей страны. Фото Виктора

русские часто располагали свои деревни рядом с возникали смешанные семьи - шло кровное слияние. Вследствие этого смешения сильно поменялся осевших там русских, что очень заметно и сегодня. аборигены - рубленые избы, орудия труда, одежду, лексику. Русские приобретали навыки инородцев в

охоте и рыбной ловле, мастерстве изготовления лодок, нарт, лыж и другого инвентаря, перенимали их мудрость и опыт жизни в условиях тайги. А главное, умение выживать в самых невероятных условиях.

Царское время.

В России охота во все времена стояла на особом месте. Для простых людей она давала дополнительное питание к столу и сырьё для производства одежды. Для людей высшего сословия являлась одним из главных развлечений. Стоит только вспомнить описание охот у классиков русской литературы - Льва Толстого, Ивана Тургенева и других. Но во все времена на Руси она была лучшей школой для подготовки воинов - защитников отечества.

В отличие от феодальных западноевропейских правовых отношений, где исключительные права на охоту были лишь у власть имущих, в древней Руси охотничье право сложилось совсем иным образом. Летописные свидетельства указывают, что право на охоту в нашем государстве принадлежало всем людям без сословных различий. Такое освоение охотничьих угодий характерно для России потому, что при чрезвычайном обилии зверя и птицы в её землях, продукты охоты с древности являлись важнейшим элементом экономики. Они нужны были в качестве предметов денежного обращения и составляли натуральные объекты для уплаты дани князьям, а во времена татарского ига — Золотой Орде: «...чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя и одну лисью шкуру...».

Если в феодальной Европе браконьерство каралось весьма жестоко — вплоть до смертной казни за убийство оленя в лесах феодала, то и с этим на Руси всё было иначе. Первый русский законодательный сборник «Русская правда» (XI—XIII вв.) налагал на браконьеров наказания в основном лишь в виде незначительных денежных штрафов. Гораздо позднее, указом Петра I от 1703 года, за недозволенную охоту в царских угодьях стали назначать более высокие штрафы и более строгие наказания: с высших чинов взыскивалось по 100 рублей за каждого человека, уличенного в браконьерстве, «нижним чинов людям» грозило «наказание жестокое безо всякия пощады» и «ссылка в Азов с женами и детьми на вечное житье». Крестьян, уличенных в недозволенной охоте на расстоянии 30 верст от Петербурга, Петергофа и Красного села, решено было ссылать «в каторжную работу без всякия милосердия». А у уличенных в браконьерстве дворян подлежали конфискации все собаки и охотничьи принадлежности. Но куда чаще крестьян и дворовых людей наказывали «плетью и батожем нещадно». Неимущих браконьеров сдавали в солдаты, а из крепостных помещика отбирали рекрутов в армию.

Но стоит учитывать, что подобные суровые кары касались лишь тех браконьеров, которые занимались своим неблаговидным делом в угодьях, где проводились охоты для русской знати — в тридцати-семидесяти верстах от Санкт-Петербурга и Москвы. Вдали же от столиц помещики в собственных вотчинах вводили свои запреты и наказания, сводившиеся, как правило, к битию (порке) провинившихся. Но Россия и в те времена была обширна, мало освоена и негусто заселена людьми, потому бесконтрольное производство охоты велось повсюду.

Если в древних российских летописях, старинных русских сказках, мифах, песнях, пословицах и поговорках, бережное отношение к природе и животному миру было скорее абстрактным — не призывающим к действию, то практически у всех инородцев Крайнего Севера, Сибири и Дальнего востока, влившихся в состав россиян после присоединения новых земель, бережное отношение к любому зверю, птице и рыбе в воде, стояло на особом месте. Поскольку от этого всецело зависела их жизнь. Чего стоит одно только благоговейное отношение к такому зверю как медведь у эвенков, когда добыча последнего была связана с целым ритуалом. Или безусловное благодарение духов за охотничью удачу,

с обязательным прошением у добытой дичи прощения за факт её умерщвления у многих племён. До сего дня у якутов некоторых улусов существует негласный закон, согласно которого охотник обязан съесть любое животное или птицу, коих он убил из прихоти или по неосторожности, иначе его в жизни ожидает большое несчастье, и смерть этого существа останется клеймом на человеке, за которое придётся обязательно ответить. Запреты на отстрел кормящих и беременных самок, тотемных для своего рода зверей, птиц, рыб. До сего дня существует запрет у многих народностей Дальнего Востока на добычу уток каменушек, имеющих обыкновение при опасности не улетать, а сбиваться в кучу, как это делают дети, подпуская вплотную потенциального врага. Потому с древних времён считалось, что в этих уток вселены души когда-то утонувших детей. Нельзя было добывать таёжную курочку дикушу, что абсолютно не боится человека и даёт поймать себя голыми руками – Бог создал её для того, чтобы обессиленный и обречённый человек не погиб с голоду в трудную минуту.

Утки каменушки. Фото Юрия Коковина

И это далеко неполный перечень запретов, влиявших на морально-этические нормы поведения в отношении к окружающему их миру у народностей тайги, тундры и степей. Где основной постулат - «Возьми от природы столько, сколько тебе потребно, но не более того», являлся основой жизни.

Дикуша. Фото Алексея Блоцкого.

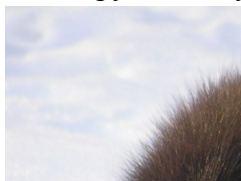
Такое отношение к природе и диким животным было у народов с практически первобытным укладом бытия. У них не имелось машин и механизмов, они не знали больших домов – обходились жилищами из шкур и подручных материалов, практически всё – от одежды до домашней утвари производили своими руками, добившись в этом деле известного мастерства.

Можно по-разному относиться к малым народам, проживающим на окраинах России. К их обычаям, верованиям, образу жизни, но когда ты вплотную сталкиваешься с ними, проживаешь бок о бок, неизменно начинаешь уважать их. Совершенно отторгая ту неприязнь, что и сегодня отчего-то существует у некоторой части нашего общества, что живёт в центре России и видит себя на более высокой ступени развития. Но может ли образованность, наличие дорого автомобиля, смартфона в руках или жизнь в мегаполисе с её суетностью в стремлении накопительства, получении всё больших и больших благ, служить критерием такой оценки? Возможно, всё выглядит совсем иначе и огромным благом является то, что более чем за три с половиной столетия, как русские пришли в

Сибирь, коренные народы не смогли раствориться в массе пришлых. Сохранив свой язык, культуру, жизненные устои, верования и отношение к жизни. Когда умение выживать в тяжелейших климатических условиях, внутреннее спокойствие, удивительная смекалка, часто полное нежелание достигать большего, чем им отвела природа и способность довольствоваться малым, оставляет огромный шанс на выживание для всего человечества, если вдруг в нашем мире случится глобальный катаклизм.

* * *

Самым ярким примером чрезмерного пресса охоты на популяцию зверя в России царских времён может служить соболь. До XVII века, когда страна была не столь обширна и её границы ещё не передвинулись далеко за Урал, ареал соболя ограничивался тундрой на севере и степями на юге, но к этому времени русский мужик практически полностью извёл самого ценного зверька в Великого княжества Московского российских купцов и факт никакой роли не играл.

своих лесах. Казна царя скудела, хотя для ловких «промышленных людишек» сей

Соболь. Фото Юрия Коковина

Весьма выгодный бизнес они «подгребли» под себя, создав нелегальный центр торговли пушниной и мехами – поселение Мангазея на северо-востоке княжества, недалеко от Северного Ледовитого океана. Где в глубокой тайне, дабы избежать конкуренции и обложения «дела» государственными пошлинами, скупали пушнину, добытую как русскими, так и инородцами в неподвластных России землях. Оттуда пушнина парусно-гребными судами по морю вывозилась в Центральную Россию, а далее попадала в Европу. Но долго такая торговля процветать не могла. Царь, прознав о ней, «наложил тяжелую государеву руку на чрезвычайно прибыльный мангазейский соболиный, беличий и иной промысел». Поскольку соболь для московской государственной казны имел исключительно важное экономическое значение – соболиные и бобровые меха «из Московии» в силу их высокого качества и большого спроса на них в Западной Европе, составляли основу бюджета Московского Великого княжества, а позднее Российского государства.

Во второй половине XVII века русские дошли до Тихого океана, понастроили по всей Сибири вдоль больших рек города, сёла и деревни, окрестили в свою веру местное население, кое и тогда и сегодня ещё молится своим собственным богам, да начали крестьянствовать. Но пушной промысел приносил доходов больше, чем иная деятельность, потому пресс на популяцию соболя был безмерен.

Если это не кочующий зверёк, а оседлый, суточный ход соболя по тайге составляет не более 10-12 км, потому опытный следопыт, особенно при наличии хороших собак лаек, способен отыскать его по свежему следу в течении нескольких часов. Таких мест, куда бы мог спрятаться хищник и охотник его не нашел, всего два. Самым надёжным убежищем для соболя являются каменные россыпи – курумы, где тот способен перемещаться под нагромождениями камней, оставаясь недоступным для собак и охотника.

Второе надёжное укрытие - сплошные заросли кедрового стланика, что покрывают собой склоны и вершины альпийской зоны в горной местности. В зимнее время этот плотный и крепкий кустарник высотой до 4-х метров от частых метелей забивается снегом и тонет в снегу полностью – остаются видимыми лишь отдельные верхушки самых высоких кустов на ровном снежном ковре. Настолько плотном от надувов, что человек по нему способен идти не проваливаясь без лыж. Но там внизу, под толстым слоем снега и веток изначально образуются сплошные полости, часто очень обширные, где соболи могут комфортно пережить долгую студёную сибирскую зиму, особенно если для этого достаточно корма –

стланиковых шишек и грызунов.

Каменная россыпь (курум) и кедровый стланик. Самые надёжные убежища для соболя.

Левое фото Юрия Коковина

Других мест, где бы соболь мог спрятаться от охотника и собак, оставшись при этом невредим, не существует. Даже на высоком разлапистом кедре, огромной ели или пихте его можно увидеть или выпугнуть, а затем аккуратно отстрелять. Если же соболь скрылся в корнях или в дупле дерева, до него можно добраться, разрубив убежище. Ещё с незапамятных времён у аборигенов Сибири существовал обмёт – сеть, которая натягивается вокруг укрытия и охотнику стоило лишь дожидаться, когда зверьку самому надоеет прятаться.

Параллельно с троплением соболей, охотники ставили на них различные ловушки, изготовить которые из подручных материалов при помощи топора и ножа для умелого человека и сегодня не представляет особого труда. Попутно с соболем добывались другие пушные звери – белки, горностаи, рыси, выдры и россомахи. При этом, в хороший год, белок за один сезон промысловик мог добыть более тысячи штук, но соболь всегда был для него самой желанной добычей.

Низовая и верховая ловушки (кулёмки) на соболя только из подручных материалов.

В те времена каких-либо постоянных и тем более временных жилищ промысловики не строили, даже пятидесятиградусные морозы для опытных сибиряков не страшны и поныне – лишь бы одежда была добротной, остановиться на ночлег можно в тайге практически в любом месте. Был бы в руках топор, были бы спички в кармане, дрова поблизости и не было воды под снегом. Потому «зачистка» территории от соболей «промышленным людом» XVII – XIX веков шла полным ходом, и к началу XX века наиболее ценный зверёк России остался в Сибири лишь в самых глухих и малодоступных местах – на остальной огромной площади его практически не наблюдалось.

Столь малое количество соболя в лесах России чрезвычайно озаботило царские власти и в 1914 году на Байкал, в Саяны и на Камчатку отправились первые научные экспедиции по изучению этого зверя, после которых на берегу Байкала в 1916 году был создан первый в стране Баргузинский заповедник.

Судя по сохранившимся документам, в 1910-1912 годах средняя цена самого ценного соболя баргузинского кряжа на Нижегородской ярмарке в центральной России колебалась от 250 до 300 руб. за одну шкурку, в то время как цена скупки этой шкурки у охотника была 200-220 рублей.

Что можно было купить на эти деньги в то время? 2000 рублей стоил автомобиль – небывалая по тем временам роскошь, от 150 руб. конь для выездки, на котором не стыдно было покрасоваться, 100 руб. конь для повозки, 70 руб. хорошая ломовая лошадь, 60 руб. – добрая дойная корова. Зарплата заводского рабочего средней квалификации, на которую он способен был безбедно прокормить семью из 4-х человек в центральной России, составляла примерно 300 рублей в год. Столько же зарабатывали младшие чины на гражданской службе.

Потому даже тунгусы-инородцы, занимающиеся охотничьим промыслом в конце XIX века и добывавшие за сезон всего 3-4 соболя, могли себе позволить заказать в ближайшем большом городе вытесанные из камня памятники и доставить их без всяких дорог за многие сотни километров на могилы своих родных. Эти памятники стоят в тайге и поныне.

Фото Нины Беловой (Колубовой)

Могильный камень, установленный в глухой безлюдной тайге. Явно был заказан в каменотёсной мастерской г.Иркутска и на расстояние примерно 870 км доставлен на баркасах и лодках по реке Ангара, озеру Байкал и реке Верхняя Ангара до селения Иркана (сегодня Кумора), где в 1646 году был русскими казаками построен Верхне-Ангарский острог. Далее его путь лежал без всяких дорог тайгою на оленних нартах через отроги и перевалы Верхнеангарского хребта (максимальная высота 2641м) на расстояние 250- 300 км до места назначения.

Надпись на памятнике гласит: "Егорь Ивановичъ Агдареевъ. Инородецъ Верхне-Ангарской волости, родился 20 мая 1845 года, скончался 13 мая 1895 года. Камень положен сыном его Стефанием Агдареевым"

Слово «инородец» означает, что человек крещёный в православную веру, но иного рода, чем славянские или другие пришлые сюда народы. В данном случае тунгус, с большой вероятностью чильчагирского (возможно киндигирского) рода. С 1931года тунгусов стали называть эвенками. В нескольких десятках километров от этого места, в тайге стоит ещё один памятник, юноше 16-ти лет Семёону Толбуконову. Представители родов Агдареевых и Толбуконовых живы и поныне.

Если внимательно приглядеться к памятнику, то можно заметить, что наши современники позволяют себе поупражняться в стрельбе из малокалиберной винтовки по надгробию, доставленному до места назначения с величайшими трудностями.

Стоит отметить, что этот надгробный камень говорит нам ещё и о том, что **Инородецъ Стефаний Агдареевъ**, кроме любви и уважения к своему отцу, не имел особой тяги к «огненной воде», т.е. спиртному - был трезвым, рассудительным и неленивым человеком.

Из-за пристрастия к алкоголю и зачастую «детскости» нравов людей тайги и тундры, позволявших себя запросто обманывать, российские купцы в те времена сколачивали на пушнине колоссальные состояния, скупая её у пьяных охотников за бесценок – в 4-5 раз дешевле, чем потом перепродавали пушнину на ярмарках. Правда позже, под конец своей жизни, замаливая многочисленные грехи, возводили в городах и сёлах на несправедно нажитые деньги православные храмы и иные богоугодные заведения, что стоят во множестве по всей стране и поныне. Опасаясь божьего гнева для своего потомства в лице кармического возмездия, которое отчего-то практически всегда впоследствии настигало его род. Если верить историческим исследованиям.

Наряду с соболем, охота в России в царские времена велась повсюду, на все виды дичи и людьми любого сословия, для кого она представляла интерес. Если в центральной России какие-либо ограничения ещё кое-где существовали, то за Уралом вдали от крупных поселений она производилась круглогодично, поскольку была неотъемлемой частью жизни большинства людей. Тем более даже по царским указам, жителям Сибири и Севера России разрешено было производить «ловлю и стреляние птиц и зверей в удобное для них время в течение круглого года невозбранно».

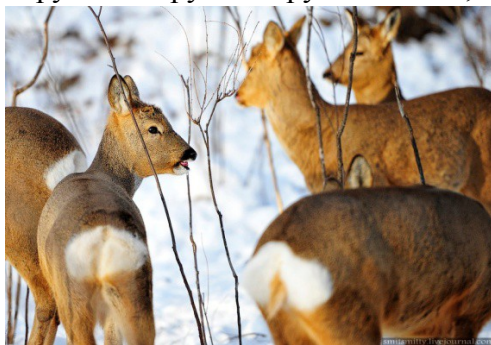
Но в России всегда были и наблюдаются в наши дни разительные отличия между охотой на Европейской территории страны с охотой в Сибирских землях. Если охотники центральных областей испокон веку с радостью травили борзыми лис и волков, что сегодня уже ушло в прошлое, до сего дня почитают за счастье погонять с гончими зайцев и лис, всегда уважали и до сих пор уважают культурную охоту с подружейной собакой на бекасов, перепелов или дупелей. Извечно вожделеют попасть на весеннюю тягу вальдшнепа, когда природа просыпается от зимней спячки, то основная масса сибирских охотников во все времена оценивал такую охоту как откровенное баловство. Для них и сегодня мелкая пернатая дичь не считается объектом охоты - на «хоркающих» и «цикающих» весенних вальдшнепов они даже не обратят внимания, если их услышит и у них не затрепещет сердце в груди от азарта. Хотя среди нынешних охотников встречаются исключения.

Со стародавних времён охота с гончими восточнее Уральских гор была не принята вовсе и стала появляться там сравнительно недавно. Точно так же, как в Сибири отсутствует охота на волков с флажками - огромные лесные массивы, а дальше к северу сплошная тайга не дают возможности гарантированно отследить и обложить этих зверей. Как и нет охоты на серых хищников «на вабу» - волки всегда найдут место, где можно устроить

логово вдали от людей и отследить их на огромной территории без дорог невозможно. Потому волк чаще всего случайно попадает под выстрел сибиряка.

Сибирскому охотнику всегда были больше по душе разнообразные охоты на копытных зверей. Классические загоны, что приняты по всей стране и существуют со времён сотворения мира людьми. В Сибири они в основном проводятся в южных, лесо-степных районах, где проживали и до сего дня живут скотоводы, рождённые в седле. Трудно передать словами музыку бурятского гона, когда стрелки уже встали на номера, привязав позади себя коней, и первый гортанный крик загонщика разнесётся по всей округе. Есть что-то первобытное и мистическое, идущее от их далёких предков в многоголосых и переливчатых, накатывающихся байкальскими волнами звуках того гона - оре, вое и улюлюканье. То слышимых явственно, то тонущих в распадах. А то вдруг вспыхивающих на полную громкость, словно пучок сухой травы от спички после первых выстрелов стрелков и достигающих своего апогея в заключительной канонаде. Когда мелькающие за пределами убойного выстрела косули или изюбри уходят прочь из загона вбок, но каждый участник действия считает себя вправе без всякой надежды по ним «на удачу» пальнуть.

Не охота это вовсе – потеха. Теперь всегда малодобычливая, иногда ругливая с исканием виноватых, но чаще всё-таки весёлая и радостная. С неизменным, согласно традиций, камланием с водкой – прошением удачи у духов ещё до начала гона и благодарением их после него. С измазыванием кровью физиономий впервые положивших зверя, и с обязательным возлиянием во время обеда. Со смехом, шутками и прибаутками. С бестолковостью и нетерпением, несоблюдением элементарных правил охоты редко берущими оружие в руки людьми, но считающих себя всё же охотниками.

Сибирские косули.

Изюбрь.

Куда добычливее другая загонная охота, но теперь на другом краю Сибири и у другого народа – якутов. На Полюсе холода в Саха-Якутии, где температура зимой нередко опускается за – 60°C, но как нигде больше на планете Земля плодятся зайцы-беляки в таких количествах, что в пиковый по численности год съедают всю траву и весь подрост на огромной территории, не давая возможности местному населению прокормить домашнюю скотину. Где испокон веков, в устоявшееся предзимье (дабы добыча завтра не испортилась), ходили на загон всей деревней – от мала до велика, и количество добытых зайцев за один оклад могло исчисляться тысячами особей. Эта охота есть и сегодня, давая существенную прибавку к столу всех жителей селений, поскольку по существующему негласному закону практически всех сибирских народов, свою долю добычи должен получить каждый. Даже те, кто в силу своей немоги в этой охоте участия не принимал: «Сегодня повезло мне – я делюсь с тобой, завтра повезёт тебе – ты поделишься со мной!» Не будь подобных законов, сплывающих между собой людей, малые народы не смогли бы дожить до наших дней.

Результат всего одного загона.

Заготовленные на долгую зиму зайцы.

Но это большие загоны, требующие значительного количества людей, немалого времени и хорошей организации процесса. Куда чаще в Сибири, да и в других местах России, встречался запрещенный ныне «котёл». Когда охотники с готовым к выстрелу оружием в руках окружали определённый лесной массив и двигались к заранее обусловленной точке, в расчёте на то, что спугнутые звери неизбежно окажутся в пределах верного выстрела кого-либо из участников. В такой охоте всегда помогали собаки, способные из «крепи» выгнать зверя под ружьё и добрать подранка. Эта охота была довольно опасной – стрельба велась в направлении всех участников действия, но очень добычливой, поскольку всего 5-6 человек, хорошо знающих местность и места постоянного пребывания дичи, могли охватить большую территорию, окружив внутри котла большое количество зверя.

В России всегда устраивали загоны и меньшим количеством людей. Один-два стрелка с отменным знанием местности и «лазов» (мест, где пройдёт напуганный зверь) и единственный тихий загонщик, лишь ударяющий, словно случайно, палкой по деревьям или время от времени ломающий сучья, дабы особо не пугать дичь, часто давал и даёт хороший результат. Как и охота с подхода скрадом, что требует опыта, хороших навыков, быстрой реакции, точного глаза и твёрдой руки. Охота с подъезда на коне, отстрел из засидки, на переправах, на тропах, на искусственных и естественных солонцах. Охота на благородного оленя «на реву» и лося «на стон» в период их гона. Охота со зверовыми лайками, способными лося остановить и охота на изюбря, марала или кабаргу, которых лайки остановить не в состоянии, но загоняют «на отстой». Это основной перечень охот за Уралом, к которым сибиряк всегда относился и относится с трепетом.

Всё это «правильные» охоты, которые по душе той части охотничьего сообщества страны, что с любовью и уважением относятся к нашей природе и её животному миру в частности. Но в России, всегда существовали и до сего дня существуют «хищники», коих и охотниками не назовёшь. Что живут по принципу «После нас хоть потоп!» и «На наш век хватит!». Для которых нравственной стороны в этом вопросе не существует вовсе. Которые своими деяниями обязательно развратят вокруг себя множество других и те начинают действовать так же – не давая зверю шанса на выживание. Потому к началу XX века в нашей стране практически полностью были истреблены зубры, и подлые имена тех двуногих, кто это сделал, останутся в памяти человечества навсегда. На европейской территории страны почти не осталось лосей, исчезли с лица земли стеллерова корова, дикая лошадь и другие животные.

О том, что в государстве появились немалые проблемы с животным миром (как такое же случилось и в странах Европы, и на Американском континенте) российские учёные-зоологи заговорили в конце XIX-го века, когда стало понятно, что пресс охоты на отдельные виды зверей превысил всякие пределы и для их сохранения необходима строгая

защита территорий с соответствующими законами. Но в царское время этим законам не суждено было появиться на свет.

Отдельной темой можно рассматривать охоту на бурого медведя, которого на Руси с древности считали не просто зверем, а подобным человеку - превращенным когда-то волшебным образом в зверя. Согласно данного поверья, медведь никогда не нападает на человека сам, а лишь из мести за причиненное ему неудовольствие или в качестве наказания за грех, совершенный человеком. Даже гибель коровы от лап медведя объяснялась когда-то тем, что «Бог позволил». Стоит признать, что доля истины в этом есть и сегодня.

Картина Татьяны Данчуровой

В культуре практически всех многочисленных народов и народностей нашей страны, разнообразных в своих верованиях, культ медведя в сказках, сказаниях и былинах в той или иной мере воспет обязательно.

На бурого медведя охотились и охотятся в России всевозможными способами: у привады, весной в гористой местности «на солцепёках», догоняют с собаками, караулят на овсах, «берут» медведя на берлоге, «принимают» на рогатину. Ставили и ставят на медведя различные ловушки.

Ловушка на медведя. Автор К.И. Инха. 1894 год

Существуют и территориальные предпочтения как у самих медведей, так и охоты на них. К примеру, в Сибири (по крайней мере, в Восточной), медведь отъедаться на овсы молочной спелости никогда не выходит - для пополнения жировых запасов ему хватает иных кормов. Потому об охоте «на овсах» в Сибири слышать никогда не приходилось, в то время как западнее Урала нет высоких гор, потому охоту с подкарауливанием

данного зверя весной «на сонцепёках», практически не встретишь.

Самым экзотичным и исконно русским видом охоты на этого хищника являлась охота на него с рогатиной, которой в наши дни уже, наверное, не увидишь – желающих рискнуть своей жизнью видимо больше нет. Совершенно очевидно, что такой способ добычи родился ещё в те самые времена, когда не только огнестрельного, но и холодного оружия люди не знали. Поскольку, по убеждениям тех же эвенков из былых времён, он основан на врождённом инстинкте зверя, согласно которого «если ты находишься к медведю лицом, то он перед человеком всегда встанет», - то есть поднимается на задние лапы в стремлении обрушиться на жертву сверху. По всей видимости, эту непреложную данность с молоком матери впитывали в своё сознание все таёжные народы. Судя по тем же рассказам, исключением, когда медведь мог ринуться на человека на четырёх лапах, словно тигр или лев, могло служить лишь слишком малое расстояние между зверем и

охотником, а также чересчур напористая работа собак. Но при их отсутствии, бросавшийся когда-то на древнего человека хозяин тайги вел себя согласно своему инстинкту и тот имел единственный шанс остаться в живых, если успевал перед грудью медведя подставить тщательно заостренный конец крепкой палки, уперев другой её конец в землю. Зверь, не способный мгновенно отказаться от нападения, сам всей своей массой насаживался на кол, разрывая собственные внутренние органы.

Армагедонский. Охота с рогатиной. Иллюстрация из издания «Живописная Россия», том 1. 1881 год

Сколь бесстрашия, силы, проворства и удали надо иметь человеку, чтобы сначала спровоцировать нападение на себя – иначе медведь нападать не станет, а потом «принять» зверя на рогатину. Которая представляла из себя толстое древко с насаженным на него специальным тесаком. Со временем появились рогатины с широким обоюдоострым лезвием на конце, и обязательной поперечиной ниже этого лезвия, дабы зверь пред своей смертью не достал охотника.

А все коренные таёжные жители Сибири и Дальнего Востока (те же эвенки) всегда ходили и до сего дня иногда ходят по тайге с «пальмою» в руках – лёгкой, но крепкой полусухой палкой, на конце которой прикреплен специальный большой нож. Пальма служила орудием для многих дел, но главным её предназначением всегда являлась защита от медведя в критический момент. Поскольку даже нашим современникам, живущим в куда менее населённой медведями стране, чем в давние времена, но проводившими много времени в одиночку в тайге, приходилось пережить неожиданную атаку этого зверя, а некоторым ни один раз.

Пальма. В прошлом обязательное оружие в руках таёжных жителей. На языке якутов она называется батас и батыйа (уменьшенный вариант батаса); у эвенков (тунгусов) – кото; хантов – пал; кетов – ус;

у дальневосточных эвенков-орочей – суггуди; у дегейцев – хогдо; нанайцев – хоогдо; энцев – лаку; нивхов – лахть; у ульчей – сугбэ.

Летописи донесли до нас, что в прошлые века иные охотники в год с рогатиной добывали по два-три десятка медведей. Пощекотать свои нервы и померяться силой с этим зверем выходили не только простолюдины, но и люди высших сословий, даже цари. Правитель Руси царь Алексей Михайлович, царствовавший в середине XVII века, не единожды самолично выходил с рогатиной на медведя.

По наблюдениям, в разных местах России, где медведей и сегодня немало, их отношение к человеку тоже разное. Есть районы, где нападения на людей отмечаются довольно часто, но в основном подобные случаи редки – не провоцируй хищника и он тебя не тронет. Исключением может служить неблагоприятный для медведя год, когда отсутствие кормов в тайге и как следствие отсутствие возможности нагулять достаточное количество жира на зимнюю спячку, вынуждает этих хищников заниматься каннибализмом, нападать на домашний скот, разорять человеческие жилища, становиться зимой «шатунами» и бросаться на человека.

По официальным данным, за осень 1978 года в одном из административных районов Восточной Сибири на четверть больше по площади такой страны как Дания, но с населением 30-35 тысяч человек, рядом с немногочисленными посёлками было отстреляно 386 медведей (27 возле одной деревни), а в соседнем районе - более 270 (данные С.К. Устинова). Людям было страшно отойти от дома в лес - человеческие жертвы исчислялись десятками. В тайге погибло много геологов и промысловых охотников. При том, в этих же самых районах 1961-й и 1962-й годы были куда более страшными относительно «медвежьей напасти», было больше пришлось отстрелять большее количество медведей, точной статистики по этим годам, к сожалению, не

жертв, как и чем в 1978-м. Но сохранилось.

Лето 2014 года. Оно было отмечено значительным количеством тайжных пожаров в Южной Якутии. Жертва медведя.

Охота в СССР.

Уже через три неполных года после Октябрьского переворота, 20 июля 1920 года, когда в стране ещё бушевала Гражданская война, Ленин подписал Декрет об охоте, который был разработан не без участия наиболее уважаемых в стране учёных-биологов, географов и естествоведов. Это был чёткий и лаконичный закон, затрагивающий все аспекты деятельности не только людей, занимающихся охотой в нашем государстве, но и определял полный комплекс мер по сохранению и приумножению фауны и флоры огромной страны.

Декрет давал право охотиться всем гражданам, кто пожелает, с 14 лет, а в промысловых районах позволял охоту с самого детства. Вводил полную монополию на всю добываемую в стране пушнину, как стратегический товар, от которого зависело наполнение государственной казны. Предписывал создание в России заповедников и заказников, охотничьих парков, питомников зверей, птиц и охотничьих собак. Создал предпосылки для образования широкой научной деятельности биологической направленности. Декларировал создание единого на всю страну Общества охотников. Избавил охотников от всех налогов за исключением мизерного сбора, которого промысловики не платили вовсе. Ввёл в России охотничью стражу. Предписывал издание профильных журналов и книг для просвещения населения. Организовывал мониторинг состояния охотничьих промыслов – учет и статистику охотничьего хозяйства. Учреждал особые отряды для истребления хищных и вредных животных. Данный декрет оставался базовым и для всех последующих законов об охоте на всё время существования СССР.

Если критически оценивать политику Советской власти от самого Октябрьского переворота по отношению к животному миру страны, то нареканию можно подвергнуть лишь единственный аспект. В те времена тигров, барсов, леопардов, волков и гиен, шкуры которых особой ценностью не пользовались, разрешалось уничтожать в любое время года с применением всех способов и средств охоты, кроме общеопасных. А на зверей с более ценным мехом - рысей, диких кошек, шакалов и сусликов, а также медведей и лисиц, что якобы тоже приносили вред охотничьему хозяйству, можно было охотиться только в сезонное для промысла время. Все остальные мероприятия по сохранению флоры и фауны, как и нормализация отношений в сфере природопользования носили своевременный и важнейший для страны характер.

Стоит добавить, что ещё за год до вышеупомянутого декрета, 29 мая 1919 года, охота в стране в весенний и летний периоды на все виды дичи кроме «вредных», центральной властью была запрещена. И в том же году начали создаваться в стране первые охраняемые территории. В 1927 г. в СССР насчитывалось уже 900 заказников, а в 1930 г. — 1 500 заказников и 13 заповедников. К 1940 году заповедников стало уже 37, а к моменту развала Советского Союза в 1991 году - 105 заповедников и 567 заказников.

Долгое время какого-либо единого руководства охотничьей отраслью в стране не было вовсе, но 11 мая 1959 г. вышло в свет Постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства», после которого всё изменилось. Общее руководство во всём государстве стало осуществлять Главное управление по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР. Но в каждой из 15 союзных республик было своё собственное ведомственное подчинение отрасли. Где-то это были республиканские Главки (Главные управления), в большинстве республик руководство охотой находится в ведении лесохозяйственных органов, а в иных республиках были созданы Комитеты по охране природы.

В Российской Федерации, как самой крупной из всех республик по площади охотничьих угодий и осуществляющей основные заготовки пушно-мехового сырья, было создано Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР ((Главохота РСФСР). К моменту распада страны она имела 108 Госпромхозов, свои лесохозяйства и разветвленную систему Госохотнадзора — практически в каждом административном районе был районный охотовед. Под ведением Главохоты была сеть государственных заповедников и республиканских заказников, система “Зообъединение” с зоокомбинатами, зообазами и зоомагазинами, три охотоустроительных экспедиции и научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ). В областях, краях и Автономных республиках управление охотничьим хозяйством осуществлялось госохотинспекциями и управлениями охотничье-промыслового хозяйства (в промысловых районах).

Под эгидой этого главка всемерно развивалась охотоведческая наука. Ещё в 1931 году был создан Всесоюзный Научно-Исследовательский Институт Охоты и Звероводства (ВНИИОЗ). А в трёх ВУЗах страны готовили специалистов охотоведов с высшим образованием, в нескольких техникумах готовили специалистов охотничьей отрасли со средним. Существовали профессиональные училища, где обучали будущих охотников-промысловиков.

Наряду с преобразованиями в сфере промысловой охоты, в РФ объединили и всех любителей, создав 18 декабря 1958 года «Росохотсоюз», переименованный в 1962 г. в «Росохотрыболовсоюз». Повсюду, в каждом административном районе стали создаваться первичные организации Общества Охотников и Рыболовов и к моменту распада СССР в 1991-ом году, их насчитывалось примерно 45 000. Имевших в своих рядах порядка 3-х миллионов членов. В то время как на момент создания Росохотрыболовсоюза, во всём СССР было более 7 млн охотников.

Но это была уже вторая попытка в стране объединить всех охотников. Первая имела место быть вскоре после ленинского декрета «Об охоте» в 1924 году по окончании

гражданской войны. Тогда всех любителей и профессионалов попробовали собрать в единый Всероссийский промыслово-кооперативный союз охотников («Всеохотсоюз»), но в 1933 году эта организация была распущена. Общественные объединения охотников по всей стране были преобразованы в стрелково-охотничьи комитеты и секции Совета физкультуры и спорта. Некоторые из них дожили до преобразований 1958-го года, а иные, такие как Военно-охотничье общество (Всеармейское военно-охотничье общество) созданное ещё в 1921 году и Всесоюзное физкультурно-спортивное общество «Динамо» объединяющее в своих рядах работников Министерства Внутренних Дел, и имевшее отдельную разветвлённую по всей стране секцию охотников, продолжили своё существование параллельно с Росохотрыболовсоюзом.

Сразу же после всех преобразований, по всей стране началось закрепление за созданными объединениями охотничьих угодий. В промысловых районах вся земля отошла Главохоте и коллективным хозяйствам (колхозам и коопзверпрохозам) системы Потребкооперации, что всегда занимались промыслом, а в непромысловых районах территория была поделена между общественными организациями для спортивной любительской охоты.

Все эти союзы имели собственные угодья, собственных специалистов охотоведов и егерей, часто людей одержимых защитой природы и образованных, досконально знающих всё, что происходило с животным миром в своих епархиях, но... Но они никогда не имели права самостоятельно решать, сколько и каких животных им можно изъять из той или иной популяции на своей территории или не изымать вовсе. В сущности, получалось так, что тем скотом, за которым человек ухаживал на своём подворье, холил и лелеял, зная его количество, болезни и состояние здоровья, распоряжался кто-то, сидящий в министерском кресле в далёкой, за многие тысячи километров, столице. И этот **кто-то** часто мыслил мерилами не огромного государства, где всё различно, начиная от климатических условий и видового состава животного мира до ментальности народонаселения, а собственным знанием только той части страны, которая ему лично была хорошо знакома.

Каждое охотхозяйство наряду с организационными, охранными и биотехническими мероприятиями, ежегодно предоставляло отчёты о ресурсном состоянии в своих угодьях, с просьбой на выделение определённого количества лицензий - разрешений на право добычи животных. Но не бывало, говорят, случая, чтобы Москва не урезала запрашиваемое на сезон количество лицензий, иногда в несколько раз. Не объясняя своих мотивов и даже не прислушиваясь к тому, что говорила наука.

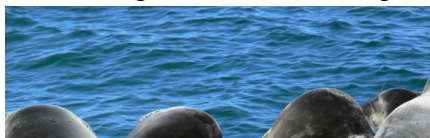
Чем было обусловлено такое недоверие высших инстанций к своим подчинённым на местах и даже к выводам науки, сказать трудно, но подобное состояние дел, когда любой работник не мог и шага ступить без указки или окрика сверху, исходивших часто из уст некомпетентных людей, породило массу негативных моментов и в значительной степени сказалось на отношении людей к животному миру страны.

Если в западных, густонаселённых районах, желание властей ввести ограничения, было более чем оправдано, то за Уралом, где зверь в советское время водился, всё было иначе. В конечном итоге такая политика привела к тому, что в тех местах, где зверя было в достатке, охотники стали рассматривать получение лицензии на одного животного, только лишь как документ на право охоты на этих животных. И если сопоставить количество добытой дичи с количеством реализованных лицензий в советское время, думаю, показатели разнились бы во многие разы, если не на порядок даже у «правильных» (законных) охотников. И возрастали ещё в несколько раз, если учитывать добычу браконьеров, для которых сроков охоты и её способов никогда не существовало вовсе.

Иногда, согласно букве закона, всю охоту для целого коллектива любителей в 10-12 человек надо было прекращать уже после первого загона в день открытия сезона, хотя впереди ещё было три месяца до его закрытия. Разве могли любители, с нетерпением ожидавшие девять месяцев любимой охоты, больше не ездить на неё? Нет, конечно! Потому вынуждены были всякими путями прятать добычу и замалчивать количество

добытой дичи. Так поступали все, начиная от простых охотников до руководителей охотничьей отрасли на местах, и даже работники Госохотинспекции, обязанные по долгу службы подобное пресекать. Все всё понимали, но ничего поделать не могли, центральная власть всех заведомо сделала браконьерами. А что-либо менять в порочной практике в России не принято до сих пор.

Самым ярким примером глупости и некомпетентности центральных властей в советское время, может служить прецедент с нерпой озера Байкал перед самым развалом СССР в конце 80-х годов. Когда охранные мероприятия привели к тому, что поголовье этих животных в одном из красивейших и энергетически сильных мест на планете Земля, превысило

всегда — а туши хозяйства. Учёные, изучающие нерпу, стали бить во все колокола, доказывая в разных инстанциях, что после пиковых значений размеров популяции, завтра обязательно последует обвальный падёж (природу обмануть невозможно) и требовали разрешить безлимитный отстрел, дабы «срезать» верхушку пика, чтобы сохранить надолго высокое поголовье. Как делается сегодня во всех цивилизованных странах. Но Москва жестко сказала: «Нет!»

В каких цифрах исчислялось тогда сокращение популяции байкальского тюленя, знают, наверное, лишь те учёные, что били до этого в набат, но то, что все берега природной жемчужины нашей планеты и одного из объектов Всемирного Природного наследия, что находится под защитой ЮНЕСКО были завалены погибшими тюленями, приходилось наблюдать лично. Все местные СМИ без устали говорили об этом, выдумывая одну версию случившегося экзотичнее другой, но никто за это не ответил.

Чиновники в столице, породившие это зло, скромно промолчали и сделали вид, что ничего существенного не произошло.

Наряду с любительской охотой, которая велась в стране повсюду, в отдалённых районах Русского Севера, в Сибири и на Дальнем Востоке всегда существовала охота профессиональная. Во времена, когда экспортируемые из страны энергоносители ещё не были основным источником валютных поступлений в казну, на первом месте, как и в царские времена, стояла пушнина и драгметаллы. Потому промысловую охоту называли не иначе, как «Валютный цех страны» — во время войны 1941-1945гг. поступление валюты в казну СССР от реализации пушнины, составляло более 40%. Бывали случаи, что охотников отзывали с передовой — добыча пушнины для государства была важнее, чем один, хоть и хороший боец на фронте.

Слева охотник-эвенк Игорь Колесов, село Иенгра. Саха-Якутия. За сотни лет в снаряжении и амуниции сибирских охотников практически ничего не изменилось. Левое фото Юрия Коковина

Как правило, ею занимались представители национальных этнических групп, для которых она истари являлось исконным делом, но наряду с их представителями, в тайгу и тундру шли люди, для которых охота была всем. В рядах промысловиков можно было встретить бывших научных работников, учителей и журналистов, юристов, инженеров разного профиля, встречались даже партийные и комсомольские работники в прошлом, не считая массы простых трудолюбивых мужиков. В чём-то эта работа была схожа с работой вольного старателя, где всё от начала до конца зависит от тебя лично, в какой-то мере от благосклонности Бога к твоей персоне, фарта (везучести) и лишь в последнюю очередь от твоего начальства.

Российский охотник профессионал и сегодня может многое. За один-два дня сделать лыжи в тайге, если вдруг снег ограничит его движение. Изготовит ловушку на зверя при помощи одного топора или ножа. Срубит в тайге для себя жилище (зимовьё) без единого гвоздя. Из брёвен воздвигнет стены, а из жердей наберёт потолок и, проложив поверху мох, засыплет его сверху слоем земли, чтобы тепло не уходило. При помощи клиньев наколёт тонких плах и соорудит из них крышу. Если потребуется, вновь при помощи одного топора и без всяких гвоздей изготовит плот любой грузоподъёмности и свяжет прутьями так, что его не разобьёт в пороге на горной реке ударами об камни. Применяя нехитрые инструменты, выдолбит из осины лодку долблёнку. Сможет одной спичкой развести огонь и относительно спокойно переночевать в тайге, если даже мороз завернёт за минус 50°C, а попав в тундре в пургу, зароется в снег и дожждётся её окончания. Сумеет принять рациональное решение в таких ситуациях, при которых любой житель города посчитает, что выхода больше нет. Будет относиться ко всему по-философски. И победит в себе самого большого врага всех людей вдали от цивилизации – панику.

Профессионалов в СССР называли штатными (кадровыми) охотниками-промысловиками (т.е. они входили в штат предприятия, занимающегося добычей), в царское и более раннее советское время - промышленниками. Все они были объединены в Коопзверпромхозы (коллективные хозяйства по типу колхозов) системы Потребкооперации, созданной ещё Лениным, и в Госпромхозы государственного подчинения, что создавались на неосвоенных или малоосвоенных территориях. Если первые, номинально, являлись собственниками своих средств производства, самостоятельно решали все свои проблемы и вроде бы сами распоряжались прибылью и её распределением, а то вторые централизованно подчинялись вышестоящим инстанциям и во всём зависели от них. На деле же существенных различий между данными предприятиями почти не существовало.

Так как пушнина пополняла казну валютой, государство уделяло немало внимания охотничьей отрасли. Лодки и лодочные моторы, снегоходы, капканы, печи, палатки, одежда, оружие и патроны - всё это выдавалось промысловикам. Может быть только не в тех количествах и не того качества, как им того хотелось бы. На отдалённые промысловые участки в тайге и тундре, площадь которых на одного охотника могла достигать и 3000 км², их забрасывали вертолётами, как и возвращали домой в оговоренное время. Передовикам централизованно распределяли щенков лаек, поставляемых из специальных питомников для улучшения рабочих качеств местных популяций собак.

Охотничья лайка и щенок такой же породы. Неприхотливая и умная, неустойчивая в работе собака, способная жить на открытом воздухе в любые морозы. Умеет отыскать глухаря или пушного зверя в тайге. Не раздумывая вступит в схватку с медведем, остановит лося или загонит на отстой марала, изюбря, кабаргу. «Подставит под выстрел» кабана или косулю. Способна пробежать в день за снегоходом 100 и даже более километров.

Промысловики, как и все работники в СССР, пользовались всеми благами, что давало государство населению – ездили отдыхать на курорты и в санатории, если того хотели. Отправляли своих детей на отдых в летние (пионерские) лагеря. Заработки в хороший сезон были достойными и куда большими, чем можно было заработать в другом месте.

Каждую осень в отпускное для себя время в тайгу на промысел уходило немало и охотников-любителей, промышлявших пушнину по договорам. Все они специально подгадывали свой отпуск на основной работе под это время, и по существующему тогда законодательству, любой договорник мог продлить в два раза свой законный отпуск за свой счёт, если он уходил на промысел (этого им делать разрешали не часто). Но охотники-договорники, как правило, имели менее продуктивные участки и всё то, что штатные охотники могли получить за счёт своего предприятия, им приходилось приобретать самим.

В начале 60-х годов государство озаботилось расселением соболя в тех районах, где он существовал истари, но был утрачен. Оттого в местах с его наибольшей плотностью, силами промысловиков был налажен отлов соболей в живом виде. Для этого применяли живоловушки и выискивали зверьков с собаками, после чего отлавливали их при помощи сетей типа рыболовных или специальными рукавичками, но куда чаще снимали с деревьев при помощи длинной удочки и петли. На расселение годились только те соболя, что имели мех высокого качества и платили за них охотнику сумму, в несколько раз превышающую цену за простую шкурку.

Монополия государства на пушнину сохранялась до последнего дня существования СССР, часть пушнины шла для внутреннего потребления, а самая дорогостоящая торговалась на Ленинградском пушном аукционе за валюту и уходила за рубеж.

Но в стране всегда существовал и нелегальный (чёрный) рынок пушнины – сначала небольшой, но по мере роста благосостояния народа в послевоенный период и роста поголовья того же соболя и других видов пушнины, значительно возросший. На который, если дело не касалось промышленных значений скупки, перепродажи и переработки, надзорные органы всегда закрывали глаза.

Как в те времена, так и до сегодняшнего дня на головах сибирских красавиц можно иногда увидеть соболью шапку для повседневной носки стоимости невероятной. О чём, думаю, не подозревают даже сами хозяйки этой роскоши. И какую в Европе могут себе позволить лишь немногие богатые дамы, одевая подобные ценности только для выхода в свет.

Девушка эвенка в шапке для постоянной носки из очень дорогих соболей. Общая цена которых сегодня на аукционе может достигать десятков тысяч долларов.

На пошив этой шапки было затрачено не менее 6 шкурок. Чтобы подобрать такое количество совершенно одинаковых по цвету, высоте ворса и опушённости шкурок, нужно было иметь их порядка 300-350 шт. Потому соболей на подобную шапку подбирают годами. Традиционно, российские промысловики для своих жёниц не жалеют ничего. Фото Юрия Коковина.

Кроме промысла пушнины в осенне-зимний период, летом промысловики занимались рыбным промыслом, поставляя этот товар для нужд населения. Рыбу ловили разную и в больших количествах, но вот благородная никогда не доходила до широкого потребителя – в магазинах её увидеть было нельзя, вся она оказывалась на столах лишь узкого круга избранных на «большой земле».

В тех местах, где в изобилии плодоносит кедр, заготавливали орех, собирали в тайге дикую ягоду, занимались сбором грибов, которые солили и сушили, заготавливали лекарственно-техническое сырьё. Где-то промысловиков обязывали добывать и сдавать государству рябчиков, где-то куропаток.

Заготовка кедрового ореха в урожайные годы до сего дня приносит ощутимый доход многим жителям тайёжной зоны страны. Ядро кедрового ореха имеет замечательные вкусовые качества и исключительно питательно.

В советское время рябчики и белые куропатки для многих промысловиков являлись обязательной для сдачи дичью, на которую в урожайные годы определялся план заготовок. Правое фото Юрия Коковина.

Введение разрешений на отстрел копытных, о которых мы говорили выше, в огромной степени коснулось и промысловой охоты. Теперь даже профессионалов этот переход превратил в браконьеров из-за отсутствия должного количества лицензий. Разве охотник-

промысловик, которому в силу своей работы необходимо качественно питаться, мог пропустить без выстрела сохатого или оленя в безбрежной тайге, где кроме него никого никогда не бывало и какого-либо пресса на копытных не существовало вовсе? Конечно же не мог! Потому мужики из тайги теперь стали привозить для своего семейного стола вместо мяса, какое привозили раньше, «заячье-глухаринный» фарш, измолотый на ручной мясорубке в зимовье, дабы не быть пойманными госохотинспекцией на браконьерстве. При этом, зачастую, отстрелянный в тайге лось или олень теперь весь в пищу человеку не шел и чаще становился привадой для зверей либо доставался разным падальщикам,.

Но куда более неприглядным деянием тех времён, был ежегодный плановый отстрел дикого северного оленя (подвид карibu) в тундре в период его миграции. Соорудив на постоянных маршрутах на берегах тех рек, через которые переплывали стада, большие ледники для хранения добытого мяса в вечной мерзлоте, вели с моторных лодок на воде отстрел, добывая ежегодно десятки тысяч особей. Из расчёта, что мясо потом будет вывезено в жилые районы и реализовано, а шкуры пойдут на изделия. Но вывести заготовленное мясо у государства возможности не имелось. Это чаще всего можно было сделать только вертолётами в отсутствие дорог, что было очень накладно. Потому, как правило, ежегодно предыдущий забой списывался в убыток, ещё до начала миграции извлекался из ледников, сваливался под открытым небом в огромные кучи, от которых в конечном итоге оставались одни только кости, что лежат там и поныне, а к концу новой миграции оленей ледники вновь были полными.

С началом горбачевской перестройки по этому поводу Свердловской киностудией был снят документальный фильм «Госпожа тундра», который немногим удалось увидеть без купюр. Но на центральном TV его показали уже в ином виде – наполовину сокращённым и все, ради чего этот фильм снимался, было вырезано - советский зритель об вопиющих безобразиях так никогда и не узнал.

Ещё одним негативным и показательным для страны моментом, сделавшим всех без исключения промысловиков-соболятников браконьерами с точки зрения закона, было введение лимитов на добычу соболя. Всё это было бы оправданно, если бы добыча велась только «на ружьё», но охота с собаками в местах с наибольшей плотностью этого зверька ежегодно ограничена примерно 15-20-ю днями (редко 30-ю), а далее большие снега останавливают лаек и охотники переходят на лов разнообразными ловушками. При этом «взятых» с собаками соболей и пойманных в ловушки можно в среднем определить в соотношении $\frac{1}{4}$ (редко $\frac{1}{3}$). На приманку в основном реагируют сеголетки и мигрирующие зверьки – оказать какое-либо давление на маточное поголовье при помощи ловушек невозможно. Взрослые, умудрённые жизнью особи, в них попадают крайне редко, но нередко становятся добычей из-под собак.

Теперь давайте задумаемся, можно ли спрогнозировать, сколько промысловнику попадётся соболей в ловушки, если их количество на его участке колеблется от 300 до 500 и даже 1000 штук? А можно ли вообще спрогнозировать, насколько удачным будет промысловый сезон?

Если учитывать все совокупные данные для всей популяции в тот или иной год (если эти факторы, конечно, гарантированно достоверны, в чём всегда есть сомнения), то

сделать это в принципе возможно. А вот учесть все нюансы, связанные, прежде всего с достаточной или недостаточной кормовой базой для определённой территории в то или иное время года, это всё от лукавого. Но, как мы знаем, во все времена в нашей стране в министерских креслах сидели люди, откровенно считавшие, что они умнее самой природы. Которые надумали ввести ежегодный план не для определённой большой территории, где можно было бы дифференцированно подходить к вопросам добычи, а ввели строгий индивидуальный лимит для каждого охотника поимённо. В зависимости от опромышляемой им территории. Не принимая во внимание, что в один год весь соболь,

скажем, в вершинах гор, где уродился орех кедрового стланика и от того там развелась масса мышей на коих и сбежались хищники со всей округи. Которые, с выпадением больших снегов, дружно ринулись в ловушки. Отчего у всех без исключения промысловиков, что охотятся в тех местах, неизбежно возникает значительный сверхлимитный излишек. А вот все те, чьи участки находятся в пойменной тайге, в такой год выйдут по окончании сезона домой практически пустыми. Но в следующем

сезоне всё поменяется – браконьерами станут вторые, первые же даже не оправдают собственных затрат на промысел. Всё это, конечно, несколько утрировано, но если пересчитать индивидуальную суммарную добычу охотника за 10 лет, вдруг окажется, что они и не браконьеры вовсе, а порядочные по отношению к природе люди.

О том, что система распределения индивидуальных квот изначально была порочна, точно так же как и в ситуации с лицензиями на копытных, понимали если не все, то многие. Но возмущаться было не принято и люди как всегда приспосабливались к возникшим обстоятельствам. Не считая чем-то зазорным изошрённо прятать излишки, вылетая на вертолёте в «жилуху» или консервировать шкурки в 3-х литровых банках до будущего не столь продуктивного сезона. Данная система сделала своими заложниками как простых охотников, так и руководителей разного звена на местах, а главное породила «чёрный рынок» пушнины в СССР.

Куда охотник должен был деть излишки добытой пушнины, чтобы в глазах своего начальства и контролирующих органов, не стать нарушителем закона? Либо выбросить, либо «сбросить её на сторону». Сколько ценной валюты для государственной казны потеряла от данного ведения страна, одному Богу известно. Не бывает на планете Земля такого, чтобы в каждой её точке всё было одинаковым – погода, условия жизни и кормовая база, потому каждый сезон и для охотника всегда разный – в один год он может поймать 50 соболей, а в другой не поймает и 5.

На вопрос, чем были обусловлены подобные новации – некомпетентностью или откровенной глупостью тех, кто подобное придумал, ответить трудно, но, боюсь, всё это было сделано специально. Чтобы каждый человек в стране был в чём-то хоть немного, но виновен. Чтобы каждого гражданина в любой момент можно было бы привлечь к ответственности – избавиться от неудобного при подлой системе, всегда проще.

Сегодня перед Россией стоит огромная проблема заставить народ уважать закон, но именно подобные законы и деяния властей, исключая элементарную логику и здравый смысл, приучили всех граждан страны не обращать на законы внимания, а жить по собственным понятиям.

Можно вспомнить и другие негативные моменты по отношению к нашему животному миру в советское время. Одним из которых являлось повсеместное применение протравленного химией зерна для посева в сельском хозяйстве и разбрасывание поверху

гранулированных удобрений. Что по всей гигантской стране привело к сокращению чуть ли не до нуля поголовья некогда огромного стада тетеревов и куропаток – птицам было невдомёк, что они клюют ядовитое зерно или откровенный яд в гранулах. Но почти полный развал сельского хозяйства в постсоветское время, к сегодняшнему дню уже привёл к тому, что численность этих птиц многократно возросла.

И всё же я ни в коей мере не стал бы очернять советское время. Само отношение людей к нашей природе тогда было куда более уважительным. Народ был более законопослушными, можно сказать боязливыми – никому не хотелось стать объектом всеобщего осуждения в обществе.

Для сохранения природы и для пополнения биоресурсов делалось очень многое. На высоте была наука, всё же работала рыболовная и охотничья инспекция. Имелась специальная служба охраны лесов, для чего в пожароопасный период небольшие самолёты лесоохраны ежедневно бороздили небо, а в каждом районе таёжной зоны группы пожарных были готовы с полной амуницией выброситься на возгорание на парашютах.

В засушливые годы таёжные пожары наносят огромный вред нашим лесам. Сегодня эти пожары, если они не угрожают людям, никто больше не тушит. Фото Григория Жданова.

Постоянно отслеживалась ситуация с волками, что немало вреда приносили не только диким, но и домашним животным – охота на них была разрешена круглогодично. Много было брошено на борьбу с этими хищниками. Охотники разыскивали логова и уничтожали приплод. Их манили на вабу, подкарауливали у привады, зимой выискивали днёвки и охотились на волков с флажками. Ставили на них петли и капканы. В условия тундры, лесотундры и разреженного леса для отстрела серых хищников применяли авиацию – ещё с 30-х годов стали использовать тихоходные самолёты, а с появлением вертолёт в конце 50-х, задействовали их. Использовали против волков яд – сначала стрихнин, потом фтороцетат бария. Борьбу с волками не прекращали даже во время войны! Государство за добытого волка установило премию для охотников: волчонок – 50 руб., прибылой - 100, взрослый волк - 150, волчица – 200. И это в тот момент, когда зарплата молодого инженера, врача или учителя не превышала 130 рублей в месяц.

Если на момент развала СССР количество волков в РФ находилось на самом низком уровне из всех лет наблюдения - в пределах 20 000 особей, то на сегодняшний день их количество уже превышает 60 000. В России существует строгая закономерность - чем хуже живёт народ, тем больше в стране волков.

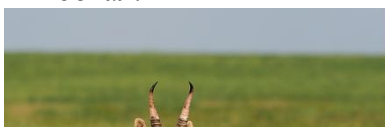
Сегодня стоит признать, что многие меры по сохранению животного мира, его преумножению и рациональному использованию в Советском Союзе, особенно если дело касалось интересов державы, принесли ощутимые результаты. Самым показательным зверем вновь может послужить соболь. Поголовье которого до прихода большевиков к власти приближалось почти к нулевой отметке, а к моменту распада СССР было уже близким к тому состоянию, что наблюдалось в те времена, когда русский мужик пришел в Сибирь.

Почти полностью истребленная к 20-м годам прошлого столетия антилопа сайга, благодаря охранным мерам и своей плодовитости, к концу 50-х годов имела численность более 2 миллионов особей, сохранив её практически такой же до новых времён. Пока не произошёл новый обвал.

Антилопа

С успехом
континента
покрывает

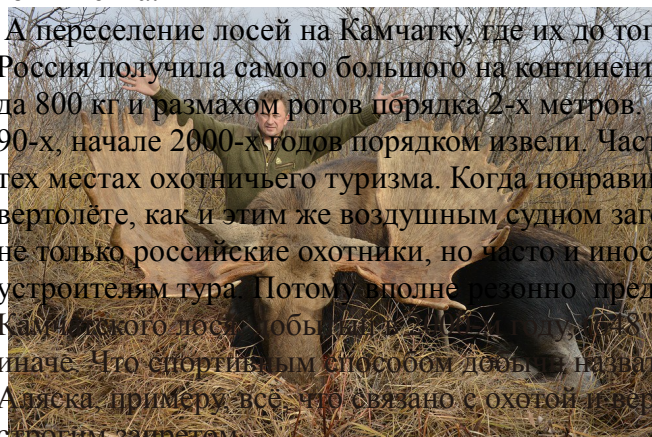

сайга. Самец.

прошло переселение с американского
и расселение ондатры, ареал которой сегодня
практически всю страну, исключая

арктическую зону. На острове Врангеля, Ямале и в низовьях Индигирки пасутся стада овцебыков, коих там не было лет 300. Американская норка стала вполне обычным видом даже в тех местах, где никогда не встречалась до этого и в наше время уже начинают говорить об её засилье в ряде мест. Ещё в царские времена изведённые на нет бобры, сегодня в некоторых областях европейской части страны начинают создавать для человека немалые проблемы, близкие к экологическому бедствию. Меры по сохранению копытных в центральных областях тоже принесли достаточно ощутимый результат, хотя и не достигли того уровня, что удалось сделать в странах Европы и странах Американского континента.

А переселение лосей на Камчатку, где их до того никогда не водилось, привело к тому, что Россия получила самого большого на континенте гигантского Пенжинского лоса. Массой да 800 кг и размахом рогов порядка 2-х метров. Самые крупные экземпляры из которых в 90-х, начале 2000-х годов порядком извели. Часто в угоду начавшего во всю процветать в тех местах охотничьего туризма. Когда понравившийся экземпляр выбирали сидя в вертолёте, как и этим же воздушным судном загоняли его под пули клиента. Этим грешили не только российские охотники, но часто и иностранцы за приличную доплату устроителям тура. Потому вполне резонно предположить, что даже рекорд SCI Камчатского лоса (обычно 11-12 баллов, 18 очков) был отстрелян именно так, а не иначе. Что спортивным способом добычу назвать никак нельзя. В то время как в штате Аляска, примеру, всё, что связано с охотой и вертолётами, однако, уже лет 40-50 уже под строгим запретом.

Американская норка во многих местах давно уже вытеснила европейскую, и встречается сегодня по всей стране.

Правое фото Юрия Коковина.

Овцебык на полуострове Ямал, в низовьях Индигирки и на острове Врангеля стал сегодня вполне обычным зверем. Согласно его поведенческим характеристикам, данное животное как объект для спортивной охоты рассматривать нельзя.

С чем охотился советский охотник?

Начиная с 1917 года основной упор в производстве охотничьего оружия на заводах страны делался только на гладкоствольные ружья – нарезное оружие для охотников долго не производилось вовсе и в ход шли образцы военного. Его немало осталось на руках у населения со времён гражданской войны, и не только российского производства. Уже первым своим декретом 1918 года и последующими за ним законами, власть стремилась изъять из рук своих граждан всё имеющееся у них на руках нарезное оружие, не давая ничего взамен, кроме гладкоствольного. Из которого можно было выстрелить по зверю только накоротке, оставляя после такой стрельбы немало подранков. Потому в тех районах, где охота была неотъемлемой частью жизни людей, обладание нелегальным «нарезным стволом» для производства охоты, стало обычным делом. Такое оружие, конечно же, тщательно скрывалось владельцами от посторонних глаз и часто даже хранилось в лесу.

Чего этим запретом добилась власть? Что пришло взамен карабина и винтовки? Ловчая яма, петля и масса других, подлых по отношению к зверю ловушек, а главное, изменение сознания честного и благородного охотника, что стало трансформироваться в сознание тихого вора.

Кроме русской трёхлинейки Мосина образца 1891 года или кавалерийского карабина, созданного на её базе, на руках нашего охотника в те годы, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, имелись японские Арисаки и английские винтовки Ли Энфилд (Lee Enfield), попавшие в страну во времена интервенции 20-х годов. А в чуме чукотского оленевода или охотника-якута в северо-восточных районах Якутии можно было и в 70-х годах прошлого столетия подержать в руках настоящий американский Винчестер 94 (Winchester 94) под патрон 30-30 со скобой Генри, хорошо известный нам по американским вестернам и фильмам про индейцев киностудии «DEFA» (Deutsche Film AG). Доставшийся хозяину, по его же словам «ещё от деда», но почему-то со штампом изготовления пятилетней давности – Берингов пролив в 86 км шириной от чукотского поселения до эскимосского, лютой зимой на нарте с запряжёнными в неё собаками, большим расстоянием для поездки в гости к родственникам посреди полярной ночи, вовсе не являлся.

После Первой Мировой войны на военных складах оставалось немало выбракованных винтовок и чтобы добро не пропадало, было принято решение переделать этот брак в гладкоствольные ружья. Ствол отделялся от ствольной коробки, заново сверлился (как правило под 32-й или 28-й калибр), немного протачивался затвор, изменялась форма магазина и получалась гладкоствольное ружьё под названием «фроловка», которое шло на продажу населению. И получившее своё название благодаря конструктору П.Н.Фролову, что придумал таким образом утилизировать старое военное оружие. В общем-то, не изобретая ничего нового – подобный опыт переделки оружия в царской России был и до этого. Стоит отметить, что переработка военных образцов под гражданское, наблюдалась и после 1945 года – даже сегодня кое у кого на руках сохранились «фроловки», переделанные под 32 калибр из Маузеров образца 1898 года, которых немало осталось на полях сражений.

Как до войны, так и после неё, в магазинах Культурных и Спортивных товаров можно было совсем за небольшие деньги приобрести длинноствольные курковые одностволки Ижевского завода, двустволки Тульского или малокалиберные винтовки (5.6 LR) под патрон бокового боя, прозванные в народе «тозовками». От сокращенного названия завода ТОЗ (Тульский оружейный завод). До 1959 года всё это продавалось каждому совершеннолетнему гражданину без всяких документов, а потом - по предъявлению билета члена общества охотников и рыболовов. В 1974 году была введена продажа оружия только по разрешениям МВД.

С развитием в стране посылочной торговли по каталогам, что широко использовалась в условиях огромности территории, охотничьи ружья (до введения лицензий) можно было выписать через систему Посылторга. Многие этим пользовались, но исполнялся, как правило, один из трёх заказов - большое количество желающих и повальный дефицит на многие товары в СССР, не позволял удовлетворять все запросы.

Судя по журнальным публикациям тех лет, три конструкторских бюро при российских заводах рождали массу различных моделей охотничьего оружия, но в серию из них шли единицы – 2 модели одностволок различных калибров, 3-4 модели двустволок и всего одна модель полуавтоматического охотничьего ружья. На какое-либо разнообразие товаров наша промышленность никогда не разменивалась. Всё, что она выпускала, было, возможно, не столь эстетичным, несовременным и среднего качества, но всегда простым, достаточно надёжным и ремонтпригодным в любых условиях.

Охотник с промысловым ружьём ИЖ-56-3 «Белка» (28 x 5,6 LR)

Левое фото В. Карпова

Кто-то, возможно, посмеётся над этим, но такой подход в то время был в СССР во всём, и во многом оправдан. Зачем было во время войны делать дорогой, очень надёжный и комфортабельный танк, превосходящий в два раза по своим тактическим характеристикам танк противника? Если горят все танки одинаково, а противник, пока ты производишь один отличный, сделает их за те же деньги и за то же время три посредственных. Которые с одним, каким бы он замечательным не был, всегда справятся.

Не забывало государство и о нуждах промысловиков. С 1955 года специально для них на основе единой модели ИЖ-56, начали выпуск простых и очень живучих комбинированных ружей «Белка» двух разных модификаций и «вертикалок» (русский охотничий жаргон, означающий ружьё с вертикально спаренными стволами) 28-го калибра «Олень» со сверловкой «парадокс». Отчего-то прекратив их производство уже через пять лет. Ружьё «Белка» достаточно часто можно встретить и сегодня, а «Олень» теперь большая редкость.

К середине 60-х появились первые отечественные охотничьи карабины для широкого потребления с продольно-скользящим затвором «Лось» (8,2 *66 и 9*53R) и «Барс» (5.6*39), а также полуавтоматический «Медведь» (9*53R). Они изначально создавались под отечественные, теперь уже чисто охотничьи патроны, отличные от боевых и зарубежных, с пулями экспансивного действия. Эти карабины, взятые за основу, постоянно модернизировались, варьировались по калибрам и в более современных модификациях «Лоси» с «Барсами» производятся в наши дни.

Охотник с карабином «Лось7» под патрон 7.62*51 (Winchester 308). В своих первых вариантах данный карабин изготавливался под патроны 8,2 *66 и 9*53.

Ко второй половине 60-х годов охотничьи принадлежности рядом с мячиками, скакалками и ракетками для пинг-понга в Спорт и Культтоварах больше увидеть было нельзя - появились специализированные магазины при обществах Охотников и Рыболовов и ассортимент оружия в этих магазинах начал постоянно возрастать. Постепенно стали появляться новые модели ружей для массового потребителя, уже с улучшенной отделкой и с хромированными стволами, о чём раньше советский охотник даже не мечтал. Но прийти в магазин и купить хорошее ружьё, да ещё на выбор, было невозможно. Разве только в столице – на периферии выбора практически не было.

Кроме недорогих ружей массового производства, оружейные заводы страны иногда малыми партиями выпускали комбинированные и гладкоствольные ружья высокого класса в подарочном исполнении, потому очень дорогие и недоступные для простого охотника. Подобного оружия в охотничьих магазинах увидеть было нельзя.

На добрых 4,5 миллиона охотников и рыболовов Советского Союза в 70-80-х годах, количество специализированных охотничье-рыболовных магазинов было крайне невелико, и находились они только в административных центрах. В городах областного или краевого значения, где число жителей могло достигать миллиона, их было от силы 3, а в каждом административном районном центре только по одному. Охотники из множества других населённых пунктов вынуждены были ездить лишь в эти магазины, иногда за сотни километров. Да и постоянным наличием нужного охотникам товара магазины похвастаться не могли, оттого купить за один раз всё, что тебе требовалось перед сезоном, не было никакой возможности – в первый приезд удавалось приобрести только порох, через неделю прокладки, а через два месяца дробь. Потому торговля шла бойко, у прилавков постоянно толпился народ - охотники старались припасти всё необходимое впрок.

Заряженные патроны одноразового использования заводского изготовления с бумажными гильзами массово в продаже появились только в начале 70-х годов и были сначала в огромном дефиците. Потому мужики, особенно далёкие от частого посещения магазинов, довольствовались простыми латунными гильзами, которые заряжали сами, покупая или выменивая у коллег капсули, порох и дробь. А прокладки и пыжи вырубали из картона и войлока самостоятельно – специальную выколотку можно было купить или попросить сделать её знакомого токаря.

Те же, кто стремился к стабильному и резкому бою своего ружья, сами осаливали пыжи дедовскими методами и, вожделея скорую охоту, долгими вечерами отмеривали порох и дробь меркам (дозаторы в широкой продаже появились в 80-х), трамбовали навойником заряды, закатывали закрутками или заливали специальным составом снаряженные патроны. Владельцам полуавтоматических ружей, в которых патроны с латунной гильзой использовать было невозможно, приходилось по несколько раз перезаряжать пластмассовые гильзы, пока те не приходили в полную негодность.

Дабы не разорить собственную семью, иногда патронов заряжать приходилось много. К примеру, в дельте реки Селенга, впадающей в Байкал, на осеннем пролёте уток некоторым стрелкам не хватало и 100-150 патронов в день – общее количество скапливающихся там

разнообразных перелётных пернатых осенью, по расчётам орнитологов могло доходить до 3,5- 4,5 миллионов особей.

Один выстрел из заводского патрона стоил от 16,5 до 24 копеек (перед развалом Союза вообще 31), а самозарядный всего 7. Но можно было значительно удешевить и эту сумму, если при помощи нехитрой «дроболейки» в домашних условиях производить кроме прокладок и пыжей ещё и дробь – самый дорогой компонент патрона. Или отливать картечь в «калыпи», наподобие которой отливали заряды ещё наши предки, познав впервые огнестрельное оружие. Таким домашним умельцам во многом способствовали специализированные печатные издания, а также рубрики чуть ли не во всех советских журналах про всевозможные самоделки, где можно было почерпнуть многое и сделать самому.

Мужики ради кучности боя «согласовывали» в патроне картечь, подбирали оптимальный заряд для определённого веса снаряда, для каждого ружья во многом индивидуального и даже связывали картечь капроновыми нитками или тонкой медной проволокой, чтобы картечь летела пучком. Хотя было немало и таких горе охотников, кто мог вместо нормальных пыжей зарядить патроны газетой, засыпать порох, картечь или дробь из горсти, а на охоте материть своё ружьё и всех тех, кто его сделал, после того, как дичь улетела или убежала.

Готовых заводских патронов, снаряженных крупной картечью, в те времена никогда в продаже видеть не приходилось, но именно с такими патронами ездили в советское время на загонную охоту на кабанов, волков и сибирских косуль, что размером с европейскую лань. По правилам коллективной охоты (индивидуальную лицензию получить было практически невозможно), стрельба по этим зверям могла вестись только картечью, стрелять круглой пулей из-за её рикошетов, запрещалась вовсе, как и использовать нарезное оружие «на загонах» разрешили только к концу 80-х.

Личное нарезное охотничье оружие мог иметь лишь охотник-промысловик (т.е. профессионал) и те немногочисленные любители, кто пять лет подряд сдавал государству пушнину или дикое мясо. Но, как правило, такое разрешение простому охотнику не давали вовсе. Хотя «нужные люди», кто имел доступ к ежегодному получению именных лицензий на зверя, партийные работники и крупные руководители нарезное оружие для себя приобретали.

Но и в профессиональной (промысловой) охоте с оружием всё было не столь однозначно. Редко кто из промысловиков имел свой собственный охотничий карабин и малокалиберную винтовку. Поскольку такое оружие цену имело немалую, эксплуатировалось, как правило, в экстремальных условиях, стрелять из него иногда приходилось много, потому жизнь оно имело недолгую. Куда менее накладно и проще было получить на промысловый сезон служебный карабин и «тозовку» в своём промысловом хозяйстве, а после сезона сдать их обратно.

Какие именно карабины выдавались охотникам? Если где и встречались «Барсы», «Лоси» или «Медведи», то в руки простого таёжного работника они никогда не попадали – были практически в личном пользовании у руководства. Промысловик в лучшем случае довольствовался кавалерийским «мосинским» карабином КО-44 или в худшем ОП СКС (Охотничье-промысловый Самозарядный карабин Симонова). Списанными с военных складов в народное хозяйство. Но если карабин КО-44 под винтовочный патрон 7.62*54R, что специально создавался в конце XIX века такой мощности, чтобы мог с единственного попадания гарантированно свалить с ног коня, можно отнести к оружию, способному остановить любое животное в нашем лесу, то даже запись в паспорте карабина ОП СКС, что он «предназначен для промысловой охоты на среднего и крупного зверя», выглядит кощунством. Из-за применяемого в нём промежуточного патрона 7.62*39, созданного в свое время для ведения уже куда более подлой войны, чем все предыдущие. Когда

предпочтение отдаётся вовсе не смерти, а ранению противника, что в большей степени деморализует сопредельную сторону и наносит ей больший вред.

Энергия пули выпущенной из СКСа примерно на 40% меньше, чем у пули КО-44, а если ещё учесть, что в советское время охотничьих патронов с пулями экспансивного действия в промысловых хозяйствах

не было вовсе, а вся стрельба велась только различными боевыми, вплоть до трассеров и бронебойных, то любой цивилизованный охотник, хоть немного понимающий в этих вопросах, сразу догадается, что количество остановленных на месте зверей и количество только лишь раненых и скрывшихся из глаз стрелка, а позднее погибших в мучениях от ран, было немалым.

Никогда не приходилось видеть какой-либо официальной статистики, но опыт собственных охот как и того коллектива, с которым приходилось общаться, позволяет оценивать соотношение подранков и битых наповал сибирских косуль (масса тела тах 60 кг) как 50/50. Даже последняя цифра немного меньше. И всё это при том, что из-за высокой скорострельности карабина СКС, в зверя могло попасть несколько пуль. Потому, если бы речь шла всего об одном попадании, то это соотношение было бы, на мой взгляд, никак не меньше, чем 70/30. А если это не косуля, а благородный олень, медведь или лось, масса тела которого в 10 раз больше?

Вынужден оговориться, что речь идёт о животных, в которых выстрелы производились в условиях достаточно плотного леса, когда зверь быстро исчезал из глаз охотника. И была исключена возможность большого количества дополнительных выстрелов, как это бывает в более открытых условиях – в поле, степи, лесотундре или тундре. Где, как правило, стрелять приходится издалека, энергия пули теряется многократно, хоть и появляется возможность для хорошего стрелка всё же достать зверя следующей. Хотя, надеюсь, многим охотникам известно, что самым результативным выстрелом является первый, от силы второй – все последующие, пусть их будет даже 20, чаще всего будут «на удачу».

Не забывайте, что мы сейчас говорили о промысловиках, всё же пользовавшихся нарезным оружием, количество которых к моменту распада СССР составляло порядка 25-30 тысяч человек. Тогда как армия охотников любителей в одной только Российской Федерации в это время насчитывала 2,6 - 3 млн. человек, т.е. в 100 раз больше!

Сколько любителей из этих миллионов ежегодно принимали участие в охоте на копытных, сказать трудно, но судя по отчётам Росохотрыболовсоюза, только в его угодьях, каждый охотничий сезон добывалось и сдавалось на реализацию государству порядка 450 тонн товарного мяса. Но это была как минимум лишь половина из добычи – количество товарных лицензий, по которым мясо надлежало сдать в торговую сеть, никогда не превышало количество спортивных, по которым всё мясо доставалось добытчикам. Стоит учесть и то, что население Российской Федерации на тот момент составляло лишь 50% от всех жителей Советского Союза. В остальных 14-ти республиках было ещё порядка 2-х миллионов охотников, которые практически все без исключения пользовались лишь гладкоствольным оружием – промысловой охоты там не было вовсе, потому никто из любителей законного права на него не имел и охотился только с дробовым ружьём.

Предвижу, что среди читателей обязательно найдётся немало скептиков и критиков, которые начнут сейчас утверждать, что эффективность выстрела картечью из гладкоствольного ружья на расстояние 30 метров по волку или косуле, ничуть не меньше,

чем из хорошего карабина. Спорить не посмею – сразу соглашусь. Но хотелось бы задать вопрос, много ли мои оппоненты видели на Руси охотников, что опустят своё ружьё и не пальнут «в сторону дичи» «на удачу»? Не только из гладкого ствола, но и из нарезного. Не смею утверждать доподлинно, но, думаю, если это будет без свидетелей, способных подобный выстрел осудить, и нет никакой возможности этого зверя всё же в ближайшее время взять, то это сделают двое из трёх охотников, если не 9 из 10, к великому сожалению. И даже не пойдут проверять, попали они куда метили или нет.

А заумных заявлений и досужих рассказов о том, что «надо просто уметь стрелять и попадать по месту», не приемлю категорически. За более чем 40 лет охоты пришлось повстречать лишь двух стрелков из доброй сотни или полутора, (не считая якутов и эвенков, которые родились с винтовкою в руках), что способны всегда «угадывать по месту» даже по мелькающему в лесу или мчащемуся во весь опор по открытому пространству зверю. Правда, эти стрелки до сего дня никогда не стреляют, если не уверены, что попадут. Всем же остальным, как правило, обязательно что-либо помешает зверя «завалить»: то какое дерево или куст «не там» окажется, то «далековато было», то «не под тем углом бежал», а то стрелок сам рукавом за ветку случайно зацепился – потому «не туда стрелил», то отчего-то шапка ему на глаза упала, потому «только кровь пустил».

Что послужило основной мотивацией для советских властей, когда они в такой огромной покрытой лесами стране как СССР вводили запрет на использование нарезного охотничьего оружия, способен догадаться каждый, но к чему это привело по отношению к обитателям наших лесов? Вот вопрос.

Сколько было безвозвратно загублено зверей при стрельбе по ним из гладкоствольного и пусть нарезного, но не способного остановить оружия, знает один Всевышний. Но подобная политика, чем бы она ни была обусловлена – какими-либо «высшими интересами» или личными амбициями руководителей разного ранга, откровенной глупостью, незнанием предмета которым ты руководишь или нежеланием услышать тех, кто в этом понимает, не может оправдать никакую власть.

Правда все граждане СССР всё больше молчали – любая критика была наказуема, как, впрочем, и сегодня проблемы лишь поменялись и многократно возросли. А то, что об этих проблемах теперь охотники открыто говорят, нынешней власти в стране России совсем неинтересно.

Охота в РФ после распада СССР.

Стоит признать, что горбачёвскую перестройку советский народ воспринял с большим энтузиазмом. Многие занялись частным предпринимательством, появилась возможность честно заработать и повысить своё материальное благосостояние, да и сам запах вдруг возникшей свободы рождал в душах людей только радужные перспективы. Но, к сожалению, всё надежды народа быстро испарились в никуда, и уже четверть века основная масса бывших советских граждан живёт, потеряв всякую надежду на светлое будущее, хотя в глубине души всё же надеется, что в стране когда-нибудь всё нормализуется. Что во власть, наконец, пойдут люди не ради заоблачных зарплат и преференций для личного бизнеса, своих родственников или друзей, а только ради служения народу. Что каждого чиновника или депутата всех без исключения уровней от районного до самого высшего звена всё же спросят, на какие средства они покупали вертолёты, оформляя их на своих нищих родственников, и сумели построить для себя шикарные дворцы. Если той суммы, которую они официально зарабатывают на государственной службе, им едва бы хватило на постройку халупы для своей прислуги. Когда заработная плата рядовых сотрудников многократно возросших в своей численности по сравнению с СССР силовых структур, в несколько раз превышает зарплаты учителей, что их когда-то учили или врачей, которые их лечат.

Немалую роль в сознании российского общества играет подспудное ощущение обманутости и несправедливости, когда все богатства, вроде бы принадлежавшие в недалёком прошлом всему народу, в одночасье превратились в личную собственность небольшой кучки людей, а расслоение общества по доходам просто зашкаливает – 10% населения владеет 90% богатств. В то время как подавляющее большинство бизнесменов страны становятся богатейшими в мире людьми в течение всего нескольких лет не за счёт реализации собственных деловых проектов и идей, как, скажем, Билл Гейтс, Стив Джобс или Джефф Безос, а только потому, что в руководстве высшего ранга оказались их личные друзья или родственники. Баснословно богатея при этом лишь на продаже энергоносителей и на госзаказах за счёт государственной казны, пусть даже они и делают это по закону. Но отчего-то забывая известный урок царской России столетней давности. А может быть и не забывая его вовсе, когда выводят из страны свои капиталы и скупают элитную недвижимость в Лондоне. Начиная рассматривать свою родину только лишь как полигон для собственного обогащения, тогда как все их деньги, как и их семьи давно уже за рубежом. Как и весь крупный бизнес давно уже выведен из России в оффшоры и возвращаться на родину совсем не собирается.

Всё вышеперечисленное рождает в умах любого простого гражданина страны негативные изменения сознания и отражается на всей жизни народа – рушатся многовековые устои, где не поможет даже церковь и вера, как бы её власть людям не насаждала. Если вор не сидит в тюрьме, а живёт припеваючи, это начинает развращать всё население: «Почему им можно (или было можно), а мне нельзя?!»

В большей степени всё это относится и к нашему охотнику: - «Почему представителю президента в парламенте страны вместе с высокопоставленными чиновниками, кои по статусу обязаны всячески природу охранять, позволено расстреливать с вертолёта редчайших архаров-краснокнижников, которых осталось в стране не больше, чем амурских тигров, а мне отстрелять обычного зверя запрещено?»

И человек с ружьём или с карабином в руках будет стрелять! Не зависимо от того, есть у него право на отстрел того или иного зверя или нет его. И будет так поступать всегда - его не сдержат никакие запреты, потому что это делать ему разрешило первое лицо в государстве. При этом, лично. Скромно промолчав и сделав вид, что ничего особенного и тем более предосудительного его ближайший помощник не натворил.

Правда, возмездие и здесь грешников не миновало – вертолёт с высокопоставленными браконьерами на той «VIP-охоте» разбился. А иначе никто бы даже не узнал, на что способны современные российские чиновники любого ранга и чем они для утех своей души занимаются.

После крушения вертолёт с высокопоставленными браконьерами. По различным данным ими было отстреляно от 3 до 6 архаров, находящихся в Красной книге РФ.

* * *

Для всех охотников постсоветской России преобразования начались с того, что им, наконец, в 1994 году разрешили иметь нарезное оружие. Но только для тех, у кого стаж владения гладкоствольным ружьём превышал пятилетний срок. Ажиотаж вокруг нарезного оружия, как и спрос на него, возник огромный, но что могли предложить наши производители? Всё те же кавалерийские карабины военного образца, но лишь со свежим клеймом КО-44 или ОП СКС, о которых мы военных складах было в достатке. А сделать ствол проблем не составляло вовсе. Но куда чаще всякой хромировки. Цену это оружие имело потому шло нарасхват. При том, основная масса взять СКС – живучий, скорострельность высокая, стабильный, прост в обслуживании, патрон недорогой.

говорили выше – их на клейма и хромировать в продажу шли стволы без совсем небольшую, охотников предпочитала бой удовлетворительный и

С самым «народным» карабином ОП СКС у медвежьей ловушки

Перенастройка промышленности на оружие чисто охотничьих образцов для российских заводов было делом хлопотным, потому они все без исключения пошли по пути наименьшего сопротивления – вновь стали приспособлять для потребителя уже наработанное военное. В продаже появились карабины на базе автомата Калашникова под названием «Сайга» и на базе пулемёта Калашникова под названием «Вепрь». Создали даже гладкоствольную «Сайгу» 12 калибра – эстетичность изделия и его баланс руках стрелка не в счёт – лишь бы быстро стреляло!

У определённой и известной части населения России самый популярный в мире автомат применяется не только для служебных нужд.

Большой популярностью начал пользоваться «Тигр», ухудшенная версия СВД - снайперской винтовки Драгунова. На прилавках магазинов появились без всякой переделки самозарядные винтовки Токарева (СВТ-40) времён Второй Мировой, как и винтовки Мосина с Маузером 98К, познавшие ещё Первую Мировую. Их на военных складах в России видимо ещё в достатке.

Понемногу, наряду с оружием, созданным на основе военных образцов, стали появляться нарезные переломные одностволки ИЖ с замечательным по бою «манлихеровскими» стволами и комбинированные ружья отечественного производства - «Север» (5.6 LR + 20 гладкий) и «Тайга» (7.62*39 или 7.62*54R нарезной + 12 гладкий). Начался массовый выпуск модернизированных «Лосей» и «Барсов», созданных ещё

полвека назад, о которых мы уже говорили ранее. Во многом расширился ассортимент российского гладкоствольного оружия – наши заводы стали конкурировать между собой, предлагая потребителю всё больше новых моделей, но разработанных ещё в советские времена. Наряду с отечественными образцами, постепенно на рынке появилось зарубежное оружие. Начиная от достаточно дешевого турецкого, заканчивая баснословно дорогими для простого охотника карабинами и ружьями ведущих мировых оружейных фирм.

Сегодня в многочисленных оружейных магазинах страны можно купить всё, что любитель пожелает. Но как наличие нарезного оружия в руках у охотника отразилось на самой охоте и на тех животных, в которых сегодня больше не стреляют картечью из гладкоствольных ружей, как это было в советское время?

Какой-либо официальной статистики, которая могла бы ответить на вопрос, какое именно оружие и каких калибров преобладает сегодня на руках у российского охотника, найти невозможно, но с большой долей уверенности можно сказать, что и сегодня повсеместно для отстрела зверей в основном используется промежуточный патрон 7.62*39, о котором мы говорили выше. И, думается, что доля этого патрона в его использовании составляет порядка 75%, если не того больше. Хотя власть постановлением правительства РФ от 10.1.2009 формально ограничила его применение по крупному зверю и на смену боевым, пришли охотничьи пули экспансивного действия. Но это мало что поменяло – патрон, как был слабым, таким и остался. Как и сознание у большинства российских охотников осталось прежним – они получили в руки нарезное оружие и тем счастливы. А особо напрягаться по поводу подранков и исполнять какое-то там постановление правительства российский мужик не привык – за Уралом две трети владельцев подобного оружия даже не слышали об ограничениях. Да и те, кто и хотел бы поменять свой карабин на более убойный, сделать этого не в состоянии – для этого нужны средства, а у многих их просто нет.

В удалённых от центральной России местах, главный человек с ружьём, что оказывает основное воздействие в стране на популяции лосей, разнообразных оленей, медведей и кабанов, обитает вовсе не в больших городах, где сегодня можно найти работу и даже иногда получать неплохую заработную плату, позволяющую приобрести достойное оружие. Он водится вдали от городской суеты, поближе к природе - в небольшом посёлке, селе или в деревне, где живёт своим хозяйством. Часто какой-либо работы он не имеет вовсе, а если и

*ОП СКС под промежуточный патрон 7,62*39 фото Юрия Коковина.*

числится где-то за мизерную заработную плату, то это уже хорошо. В магазине покупает только хлеб, макароны, муку, крупу, сахар, соль и если курит – сигареты. Даже спиртное предпочитает своё – бражку и самогонку. Картофель и другие овощи он выращивает на своём огороде. Если есть такая возможность, то держит скотину, а всё остальное, что ему для жизни нужно, он берёт в реке или в лесу, по которому передвигается, имея в руках или за плечами в основном дешёвый «народный» карабин СКС или «Сайгу» - в сущности автомата Калашникова, только лишённый возможности стрелять очередями.

Именно этого мужика, делая вид, что пытается поймать, ловит сегодня охотничья и рыболовная инспекция страны – в ней тоже работают люди, что при небольших зарплатах также своего не упустят и которые прекрасно понимают - не занимаясь браконьерством, нарушители законов прокормить себя не смогут. Бросить всё нажитое, уехать куда-либо и начать новую жизнь у данного подвида россиян нет никакой возможности, и есть только одна надежда на собственных детей. Что те, закончив школу, переберутся в большой город, смогут устроиться в жизни и если их родители по старости лет вдруг занедужат, то те заберут их к себе.

Именно этих охотников сегодня в интернете на охотничьих форумах, даже известные в стране зоологи и литераторы называют не иначе как «напрочь оборзевшие местные». И вовсю костерят, отчего-то не желая замечать очевидного - этим людям жизнь выбора не оставила. Когда-то более старшие из них трудились на каком-либо производстве, в колхозах или совхозах, но 9 из 10 предприятий в стране разрушились, их больше не существует вовсе и этим людям негде заработать. У некоторой части более молодых людей нет на руках даже трудовых книжек – мужику 40 лет, а его официальный трудовой стаж не составляет одного дня! Хоть он и вкалывает не покладая рук, чтобы прокормить свою семью - лишив людей работы, государство ничего не предложило им взамен.

Сегодня верховная власть с высоких трибун говорит нам, что безработица в России составляет каких-то 4-5%, что якобы гораздо меньше, чем в высокоразвитых странах. Но когда ты собственными глазами видишь, что в удалённых от центра районах она составляет не менее, чем 30-40% от трудоспособного населения, сразу начинаешь сомневаться в реальности озвученных цифр – либо в официальную статистику попадают только те, кто числится на бирже труда (центрах занятости), получая мизерное пособие, либо власть на местах доводит до высшего руководства только те цифры, которые те желают видеть и слышать.

Проблема леса.

Всё это в немалой степени отражается не только на животном мире, но и на среде обитания зверей. Поскольку лес в России до сего дня является наиболее доступным и востребованным на рынке товаром, который можно достаточно легко украсть. По официальным данным, которым, к сожалению, сегодня верить не приходится, «чёрными лесорубами» в стране ежегодно вырубается порядка 1.3-1.8 миллионов кубометров делового леса, а по неофициальным (куда более точным, на мой взгляд), эта цифра достигает 30 млн. м³.

В советские времена все лесозаготовки велись по определённым строгим правилам, ограничивающими рубки целым набором условий и ими занимались только государственные предприятия. Но с наступлением новых времён в лес пришел частник, для которого прибыль, минимизация издержек, а часто откровенное рвачество, стоят во главе угла. Немаловажную роль сыграло и значительное сокращение финансирования лесничеств со стороны государства, от чего в стране резко сократилось количество лесников и вместо того, чтобы охранять лес, в 90-х годах прошлого века лесничества сами начали усиленно заниматься рубкой лесов, наряду с воровскими бригадами. При том, руководство данных государственных предприятий практически повсеместно начало работать на себя, напрямую следуя появившейся ещё в советское время поговорке, слетевшей с уст сатирика Михаила Жванецкого: «Что охраняю, то и имею!» Создавая собственные бригады лесорубов под эгидой своих родственников и друзей.

Надо признать, что прекратить данное деяние очень сложно - браконьерские рубки как правило выгодны многим – как самим браконьерам, так и охранникам леса вплоть до полиции, что по некоторым сведениям до сего дня имеют с незаконных рубщиков хорошую мзду, иногда достигающую 50%. Из пойманных на дороге двух-трёх лесовозов без всяких или с «липовыми» документами на груз, один обязательно разгрузится в том месте, где ему укажут, а другие спокойно уедут себе в места приёмки, где у них никто не спросит, где же они этот лес взяли. При том, свидетелей и первой сделки в лесу, и второй - на пункте приёма, вы никогда не найдёте.

Потому, думается, что сложившаяся на сегодняшний день система в стране, где каждый желает обогатиться, и не важно, каким образом, будет существовать ещё долго. Тем более высшая власть России 20-ю статью Международной Конвенции о противодействии коррупции подписывать наотрез отказалась и принимать по настоящему действенные законы о коррупции и противозаконном обогащении, наподобие тех, что действуют на

Западе, даже не собирается: «Сумел украсть – владей!» Главный лозунг, в нынешней постсоветской России.

Сегодня уже можно смело констатировать, что делового (в основном соснового) леса, примерно в двухсоткилометровой зоне доступности от железной дороги в Сибири вы уже не найдёте – варварским способом вырублены все глухариные тока и повсюду в местах обитания сибирских косуль, кабанов, изюбрей и лосей остались одни только пни от сосен, лиственниц и елей, да не убраный вершинник с ветками. А некогда разнообразный по видам древесины наш лес, практически сплошь превратился в лиственный – в лучшем случае зарастает сосновым молодняком.

Лес из России прибыл в Китай. Во времена СССР на экспорт шел лес так называемого "первого пила" от комля дерева. Диаметр вершинной части которого не мог быть менее 30, и даже 40 см в зависимости от контракта. Сегодня за рубежом, как правило, идёт тонкомер. Хороший зрелый лес в доступных местах Сибири и Дальнего Востока уже весь под чистую вырубил.

При этом наблюдается странная, на мой взгляд, тенденция – сначала в каком-то месте вырубается зрелый лес, бригада уходит, но через два года появляется вновь и дорубается весь тонкомер – страна живёт одним днём: «Зачем ждать, пока лес созреет, если на него есть спрос?» Стоит отметить, что немалым стимулом для вырубки сибирских и дальневосточных лесов послужил бездонный и часто бесконтрольный экспорт древесины в Китай, который на своей территории вырубку лесов резко ограничил, введя очень жесткие законы, а в 2020 году планирует запретить её вовсе. От того в Забайкальском крае и других восточных Субъектах Федерации уже сейчас наша власть отдаёт в аренду китайцам на 49 лет миллионы гектаров леса, получая вместо них через несколько лет голую пустыню.

Проблема волка.

Ещё одной огромной проблемой для России сегодняшнего дня являются волки. Испокон веков в нашей стране была замечена прямая зависимость – чем хуже живёт народ в стране, тем выше пресс на копытных и тем больше плодится волков. Войны, засухи, наводнения, эпидемии или другие катаклизмы всегда на Руси приводили к тому, что количество этих хищников многократно увеличивалось. При этом страдали не только дикие и домашние

животные, но и достаточно часто отмечались нападения на людей. Волки, как правило, набрасывались на женщин и детей – атаки на взрослых мужчин случались редко. А если и случались, то рассказать потом об этом бывало уже некому.

Наступившая четверть века назад нестабильность в стране, вновь дала толчок к тому, что численность серого хищника взрывными темпами возросла и достигла таких показателей, какие никогда не отмечались в стране со времён начала наблюдений. Вновь волки оказывают огромный пресс на диких животных, вновь режут домашний скот и нападения на людей отмечаются всё чаще и чаще. Судя по публикациям в СМИ, это стало происходить не только в лесу, но и в населённых пунктах.

Такая волчья стая способна за один раз лишить жизни до сотни оленей в тундре или большое стадо овец в степи.

По официальным данным, количество волков в современной России находится в пределах 56-60 тысяч особей. Хотя в некоторых публикациях говорится уже о 100 и даже о 120 тысячах, что пока, видимо, маловероятно. В то время как в 80-х годах прошлого столетия, рост численности волка в Российской Федерации (не путать с СССР, там цифры другие) был остановлен при пике в 35 тысяч особей. А потом пошел на спад – к моменту развала Советского Союза в 1991-му году численность серых хищников в РФ сократилась до минимума из всех лет наблюдений и достигла 20 000. Но к середине 90-х годов, вновь резко возросла, не переставая расти до сегодняшнего дня. Специалисты экологи, охотоведы и охотники почти всех субъектов Российской Федерации, считают, что численность серого хищника на их территориях сегодня превышает норму в 3-4 раза!

Согласно разным публикаций, проведенные расчеты и наблюдения показывают, что в нашей стране волки за год съедают около 35 000 лосей, более 140 000 оленей, около 125 000 косуль, более 40 000 кабанов, примерно 2,8 миллионов зайцев и около 70 000 бобров. А теперь для сравнения можно привести информацию о легальной добыче перечисленных видов. Так в охотничьем сезоне 2009/10гг. в России было добыто: около 20 000 лосей, 35 000 северных оленей, 30 800 косуль, около 64 000 кабанов, 7 700 бобров. Получается, что волки ежегодно съедают охотничьих животных (прежде всего копытных), в несколько раз больше, чем сегодня легально добывают все охотники страны!

Лошадь, сумевшая пережить ночную атаку волков.

Какой либо действенной борьбы с волками, как это было в СССР, сегодня в стране не ведётся вовсе. Отстрел с вертолётов больше не проводится – слишком дорогое удовольствие, яд запрещён как негуманное средство, премии за добычу волка кое-где хоть и введены, но настолько мизерны, что заниматься этими хищниками охотникам невыгодно. В центральной России на сегодня осталось лишь два действенных способа давления на популяцию хищника - уничтожение приплода после вычисления логова при помощи выбы и коллективные облавы с флажками. А восточнее Уральских гор в бескрайних степях и тундре, в лучшем случае можно увидеть любителей, что не прочь разбить свой собственный снегоход в погоне за волком, в то время как в массивах обширных лесов (тайги), этот хищник всё так же является случайной и редкой добычей.

В центральной России всегда были охотники, специально занимающиеся волками, их называли волчатниками. Они хорошо знали повадки этого зверя, умели быть по волчьей и манить их на вабу, по малейшим следам отслеживали этих хищников и находили их логова, лишая семейные пары волчат. И сегодня в нашей стране встречаются такие специалисты, личный счёт у которых в борьбе с волками идёт на сотни.

Общее количество добываемых в год волков в России колеблется в пределах 8-10 тысяч особей.

Андрей Барышников. Охотовед из Псковской области. Один из лучших волчатников современной России. На его счету более 200 волков и волчат. Придумал собственный оригинальный метод обнаружения логова для изъятия приплода, которым с успехом пользуется сам и его всячески пропагандирует. Фото А.Барышникова

А что же у нас с промысловой охотой в современной России?

После распада СССР, власть отказалась от государственной монополии на пушнину и всю отрасль отдала в руки частнику. На мой взгляд, всё, что произошло после этого с некогда «валютным цехом страны», является ярким примером того, что случилось на постсоветском пространстве со многими областями некогда народного хозяйства.

При смене коммунистической идеологии на капиталистическую, основной призыв (как, впрочем, и основная мотивация содеянного) звучал так: «В стране нет хозяев – стране нужен хозяин! Только частник сделает страну процветающей!» Надо признать, что большинство россиян в начале 90-х восприняло новый клич с большим энтузиазмом – многие сделали попытку заняться бизнесом, а наши промысловики стали брать в долгосрочную аренду угодья, на которых охотились. Но при этом государство стало применять к ним точно такие же требования, что применялись к крупному предприятию - бухгалтерия, ежеквартальные и годовые отчёты, приказы по предприятию (читай - самому себе), списание средств на содержание собак, амортизацию техники, а главное, многочисленные справки в не менее многочисленные инстанции. И штрафы с санкциями, если они этого вовремя не делали. То есть, вольный по своей сути мужик-охотник создал для себя огромную головную боль. И всё это в тот момент, когда доход своего предприятия он мог показать всего один раз в год, после реализации пушнины и то лишь той, которую он добыл законно (подчёркиваю!).

А вот здесь возникает главный вопрос. Мы уже говорили о том, что любая охота, как известно, занятие непредсказуемое, то есть человек, идущий в тайгу, не может гарантированно знать, вернётся он с добычей или нет. И потому, получив десять законных лицензий на отлов того же соболя, он будет их ловить ровно в том количестве, сколько ему попадётся. Ни больше и ни меньше.

Вы скажите, что он браконьер? Я с вами не соглашусь. Поскольку часто только заезд на промысловый сезон этому охотнику обходится дороже, чем будут стоить те десять соболей – автобусов и электричек в тайге, к сожалению нет. А про вертолёты, которыми пользовались раньше, уже давно забыли. Добираться иногда приходится за сотни вёрст на лошадях, вездеходах и по порожистым рекам на лодках, что не только очень накладно, но и опасно.

Может быть, вы ему предложите бросить это дело? Дабы он остался честным человеком. Но тогда ему не на что будет кормить свою семью. Поскольку другой работы в его посёлке нет и в помине. Да и жалко любимое занятие бросать, когда этим непростым делом занимались его деды с прадедами. Куда же, к примеру, деть его личные затраты на содержание собак и обустройство участка: постройку зимовий, прорубку дорог, сооружение ловушек, немалые расходы на покупку дорогих капканов. Так что он этих соболей будет ловить на протяжении всего разрешенного периода и в том количестве, сколько их ему попадётся, и в этом можно не сомневаться.

При этом, он всегда будет помнить, что вот в сезон того-то года ему удалось их добыть всего пять, а в сезон другого, он вообще вышел домой пустым. Но главное совесть этого «заведомого браконьера» перед природой, у которой он якобы ворует, будет совершенно чиста. Поскольку он точно знает, что комплексного обследования популяции соболя никто уже как минимум 40 лет не проводил, что поголовье соболя высокое, что попадутся ему в основном лишь те, которые хотят попасться – молодые сеголетки, не способные найти себе пропитание и пришедшие, что от бескормицы сюда прибежали. А маточное поголовье переловить ловушками практически невозможно, если специально им не заниматься – давление на него идёт только при помощи собак.

И ещё этот охотник знает то, что все лимиты на промысловые виды животных в нашей стране спускаются, мягко сказать, на основе недостоверных данных.

По признанию самих же охотоведов из промысловых районов, все отчёты о проведении мероприятий по оценке популяции зверя, практически повсеместно и один в один ежегодно переписываются с отчётов прошлых лет. Если взглянуть на цифры тридцатилетней давности и прошлого года, то они будут разниться максимум на 5-10%. Но винить в этом охотоведов я бы не посмел, поскольку за их плечами часто территория побольше нескольких Бельгий, и обследовать её всю даже точно, у них нет никакой возможности. Цифры существенно занижаются лишь в том случае, если очевиден явный спад, но если этого не происходит, то даже при существенном возрастании численности, цифры, как правило, остаются на том же уровне.

Но вернёмся к нашему страдальцу.

Поймал он вместо положенных десяти соболей, двадцать пять и куда же он их понёс? Только пушному купцу! Или нанятому последним скупщику, коих на местах сейчас развелось порядком. Но знает наш мужик, что настоящей цены купец со скупщиком ему никогда не дадут. Ему бы по-хорошему самому своих соболей в «Союзпушнину» на аукцион отослать и получить за них настоящую цену, как это делается в цивилизованных странах, но это только десять можно – по количеству выданных ему лицензий, а остальных снова купцу? Да и как ему эту пересылку организовать? Самому с таким мизером в Санкт-Петербург не поедешь. Так что купец остаётся единственным, кто пушнину у охотника купит, и он сделает всё, чтобы купить её по максимально низкой цене.

И задумался тут наш мужик:

- Если я в любом случае пушнину отнесу купцу, зачем мне нужна моя головная боль с предприятием?

Поднял он руки вверх пред такими обстоятельствами и пошел обратно – сдаваться в Промхроз. А тому это только и надобно. Поскольку тот теперь не нормальное предприятие со штатом работников, а фирма-паразит, если отыскать наиболее точное определение. В ней одно руководство, работники-охотники отсутствуют напрочь, но имеются взятые в долгосрочное пользование у государства уголья, которые она просто сдаёт в аренду на промысловый сезон по договорам. Её главная задача принять у промысловика соболей, реализовать их и разделить полученную прибыль согласно своих разумений.

В советское время любое промысловое предприятие несло ответственность за своих работников-охотников – на промысел могли пойти только те, кому позволяло здоровье. Для этого были разработаны и строго соблюдались правила нахождения в тайге, и если что вдруг случалось, руководство поднимало в воздух вертолёты, организовывая поиски и спасение людей.

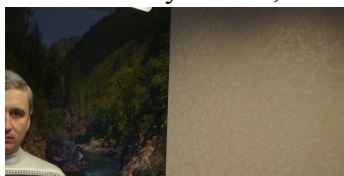
Надо сказать, что ни в одном административном районе, где ведётся промысел, без ЧП на нём не обходится ни один сезон: подвергся нападению медведя; заблудился в непогоду и сгинул без следа; перевернулся на лодке и не сумел выплыть, в лучшем случае сам выплыл, но всё утопил; понадеялся на технику, а она подвела; провалился в воду, под лёд или в наледь, не смог развести костёр и долго добирался до зимовья, где вскорости заболел и болезнь прогрессировала; неловко упал и что-то себе сломал; отказало сердце от чрезмерных нагрузок – наиболее типичные случаи в тайге. Сегодня же никто ни за кого ответственности не несёт – за последние 25 лет людские потери на промысле по всей стране исчисляются тысячами: «Издых Максим, так и хрен с ним!»

Есть основание полагать, что между всеми пушными купцами России, коих совсем немного, существует торговый сговор, в котором они определили максимальную цену приёма. Судя по наблюдениям, купец-охотпользователь берёт у охотника пушнину по цене в 1/3 часть от средней цены последнего аукциона, а купец со стороны, не имеющий даже номинально своих угольев, даёт 1/2. И это в лучшем случае! То есть первый, как

минимум, кладёт себе в карман сумму в 3 раза большую, чем человек, который её добыл, а второй в 2. Но давайте не будем забывать, что ни один из этих купцов никаких материальных, временных и физических затрат не несёт – всё на плечах нашего мужика. А затраты далеко не малые и часто сопряжены со смертельным риском. Так что, если отнять все расходы, промысловик сегодня имеет с добытого им соболя 15-20%, от его аукционной стоимости (в царское время порядка 80%!)

Лет 12-15 назад, когда цена соболей на аукционе ещё далеко не достигла уровня советских времён, один далеко не худший купец похвастался, что стоимость выставляемых им на аукцион настоящих баргузинских соболей колеблется в пределах \$220- \$240 за шкурку. В тот момент, когда он скупал соболей не более чем за \$60, но брал только хороших. Так что посчитайте сами. Получается, что современный промысловик в здравом уме и светлой памяти позволяет себя обманывать точно так же, как это делал купец в далёкие царские времена, но при этом спаивая аборигенов.

Парадокс этой ситуации состоит в том, что в конце XIX века, верхнеангарский купец Новомейский, отправляя в тайгу «промышленников» на арендованные у царя угодья, давал им голым для промысла всё – от продуктов и отрезов на одежду до пороха и пищали (т.е. ружья). За что после промысла две шкурки забирал себе, а одну оставлял охотникам, либо выплачивал им её полный денежный эквивалент. А когда покупал соболей у трезвых инородцев Агдареева или Толбуконова, о которых мы говорили выше, платил им за каждую шкурку перепродажи на 50-70 рубликов.

Даже не более

200-250 рублей, имея с неё после нижегородской ярмарке всего лишь жалких

прибыли менее 100% даже пальцем не пошевелият.

предполагая, что его коллеги во вроде бы цивилизованной России XXI-го века при

В советские времена стоимость соболей баргузинского кряжа (считается самым дорогим) не опускалась ниже \$180 за шкурку на круг и ни на каких других аукционах, кроме Ленинградского, он больше не торговался (г. Ленинград теперь Санкт-Петербург). Но после развала СССР, повезли купцы нашего соболя в Копенгаген и Сиэтл, где цена на него мгновенно рухнула примерно в три раза (со \$180 до \$ 60), лишь через 15 лет приблизившись к ценам советского периода. И это всё в то самое время, когда стоимость готовых изделий из русского соболя, судя по некоторым публикациям, значительно возросла. По имеющимся данным и здесь главным фактором являлся торговый сговор. Теперь уже зарубежных фирм, участвующих в торгах.

По признанию тех же наших купцов, в 90-е годы, как правило, все лоты, выставленные на аукцион, распределялись между покупателями ещё до начала торгов, то есть каждый из них заведомо знал, какой из лотов ему достанется и по какой цене. Что, возможно, происходит и сегодня. Как известно, по правилам аукциона продавец вправе снять свой товар с торгов, если его не устраивает цена продажи. Но любой зарубежный «фирмач» отлично понимал, что наш купец этого не сделает никогда, поскольку не имеет возможности в условиях огромной инфляции в стране заморозить почти на год кредитные средства, взятые им у банка на покупку пушнины. Да и зачем ему это делать, если он и так имел баснословную прибыль?

Так было в конце прошлого века, но в 2003 году государство Россия окончательно избавилась от некогда «Валютного цеха страны», во многом благодаря которому мы когда-то выиграли Великую Отечественную Войну, отдав ЗАО «Союзпушнина», организацию, которая проводит торги на Санкт-Петербургском аукционе, в частные руки. На этом аукционе в основном и торгуются русские соболя - единственный вид пушнины, что пользуется сегодня большим спросом в мире. Заведомо потеряв при этом ощутимый доход в свою казну и возможности как-либо влиять на ценообразование при продажах русской пушнины.

Для частного-монополиста, не имеющего никакой конкуренции и баснословную прибыль, словосочетание «интересы государства», выражаемые теперь лишь в виде небольших налогов, всегда будут пустым звуком.

С тех самых пор, как торговля пушниной перешла в частные руки, наблюдается ещё одна удивительная, лукавая и подложная особенность торгов на аукционах Санкт-Петербурга. Во все времена всех соболей делили на кряжи в зависимости от территориальной принадлежности и ярко выраженных собственных признаках шкурок, добытых в определённом месте. Когда-то кряжей было много (14, 13 потом 11) но со временем осталось только 5 - баргузинский, якутский, енисейский, амурский и камчатский. Во все времена эти кряжи всегда выставлялись на продажи отдельно и объём шкурок настоящих баргузинских соболей (самых тёмных, пушистых и шелковистых), добытых на севере Иркутской области и Бурятии, никогда не превышал 14-18%, от общего объёма продаж, но цену за них давали самую высокую. В то время как сегодня их количество вдруг стало превышать объём всех остальных в 30-40 раз! Скажем, шкурок баргузинских соболей теперь выставляется на торги 250 000, якутских 2500, енисейских и амурских по 1200, а камчатских всего 700. Может быть, все соболи России сбежали теперь на север Прибайкалья? Да нет - ничего не изменилось. Кроме желания всех тех, кто связан со скупкой пушнины у охотника и её реализацией за рубеж, скрыть истинную цену продаж и завуалировать всё, что с этим делом связано. Более закрытой сферы деятельности вы вряд ли где найдёте! И за какую цену теперь торгуется тот или иной кряж, если цена топ-лотов взлетает до \$3300-\$5900 (!) за одну шкурку, вы никогда не узнаете. В более лукавое время страна Россия ещё не жила!

Так что, если современной моднице муж или бой-френд дарит сегодня соболиную шубку или манто из «настоящего баргузинского соболя», то можно смело говорить, что в пяти случаях из шести, эту даму с её парнем просто «подло надули».

Слева очень дорогая шубка из настоящих баргузинских седых соболей. Справа – скорее из соболей енисейского кряжа. Но соболи, из которых и она пошита, выставляются сегодня на аукционе как самые дорогие – баргузинские.

Возможно, кто-то скажет, что я не прав, и баргузинский соболь теперь есть просто бренд? Но кто мне тогда объяснит, для чего выставляется на торги пушнина других кряжей? Отмените деление вовсе – пусть у вас весь русский соболь будет «баргузой» (сленг, означающий баргузинского соболя). Где же логика, господа?

В советское время на каждой шкурке соболя, что попадала на аукцион, всегда висела бирка, по которой можно было определить, где и каким охотником данный зверёк был добыт. И при значительном превышении стоимости этой шкурки, добытчик всегда получал высокую премию. Сегодня такие бирки тоже вешают, но там больше не фигурирует информация, где и кем этот соболь добыт, там есть только одно – кто эту шкурку выставил на аукцион. Где она добыта и кем, теперь никого не интересует вовсе, а о каких-либо премиях, вообще разговор не идёт.

Стоит ещё добавить, что уже неоднократно приходилось слышать о том, что коррупционная составляющая среди чиновников разных ведомств, имеющих отношение к торговле пушниной, исключительно высока. Ещё можно не сомневаться, что существуют каналы по которым наша пушнина минуя аукцион беспрепятственно уходит за рубеж. Поскольку в каждом крупном городе Сибири и Дальнего Востока открыто существуют китайские фирмы, скупающие различные дериваты зверей – панты оленей, лапы медведей, медвежью желчь, кабарожью струю и разную пушнину вплоть до соболей. То есть вновь только лицензионные виды, и вновь не спрашивая у сдатчиков, где они эту продукцию взяли.

После наступивших преобразований, количество промысловиков в тех районах, где основным объектом охоты является соболь, значительно возросло, достигнув на сегодняшний день числа не менее в 100 тысяч человек – у людей в отдалённых районах не стало иной возможности заработать. Но теперь явно прослеживается тенденция к их сокращению.

В силу того, что занятие промыслом становится невыгодным делом – закупочные цены на пушно-мехового сырья для охотников низкие, а общие затраты на промысел высокие. Лодки, лодочные моторы, снегоходы, горючее, на всё это теперь уже одним только промыслом заработать стало невозможно. Сегодня в тайгу больше по инерции идут лишь люди старших возрастов (45-65 лет), более молодые встречаются редко. По признанию самих же охотников, некоторые теперь промышляют больше из желания добыть не столько соболей, сколько мяса и рыбы на прокорм своей семьи. А другие оценивают промысел как своеобразный спорт – постоянное движение и общение с природой благотворно влияют как на здоровье, так и на психику людей.

Немалой проблемой для всех этих ста тысяч человек, которая ничуть не волнует российских законодателей в ГосДуме, является то, что все, кто идёт сегодня на промысел в тайгу, не штатные работники предприятий, за которых надо платить государству налоги, отчисления в пенсионный фонд, оплачивать больничные листы и т.п., а являются «договорниками» – т.е. заключившими с охотпользователем договор на промысловый сезон. Он начинается (15) 20 октября и заканчивается в конце февраля. Как известно,

договорные условия бывают разными – можно пригласить только специалистов-строителей и обеспечить их всеми необходимыми материалами, а можно нанять бригаду, чтобы они за свой счёт построили тебе дом. Тогда цена этого дома будет значительно выше – за всё придётся заплатить. Но мы эту проблему уже обсудили и отставим её в стороне.

В нашем случае, договор заключается всего на 4 месяца, в то самое время, когда для того, чтобы обустроить и поддерживать на должном уровне своё рабочее место (охотничий участок), ежегодно промысловики тратят ещё массу времени на это. Надо поправить старое или построить новое таёжное жильё (зимовья), прорубить или прочистить от павших деревьев путики, изготовить новые или поправить сотни старых ловушек, развезти по весне продукты на следующий сезон, отремонтировать технику и т.д. и т.п. – то есть временные затраты превышают срок договора как минимум в 1.5 раза.

фото В.Карпова

При том, сумма оплаты договорника исходит только лишь из того лимита соболей, что выделяются ему согласно опромышляемой им территории. Хотя зачастую всю добытую и сверхлимитную пушнину, от которой охотнику никуда не уйти, сегодня сдают своему же охотпользователю, но по более высокой цене. Данная практика, которую можно исправить только законодательно, приводит к тому, что при достижении пенсионного возраста, ни один из наших нынешних промысловиков не может рассчитывать на достойную пенсию.

Ещё одним деянием наших властей, наглядно показавшим своё отношение как к своим гражданам, так и ко взятым страной обязательствам, явилось подписание Россией 24.04.1998г. и ратификация в апреле 2008 года «Соглашения о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией», к которому США присоединиться отказались. Согласно данного документа, наша страна обязалась перестать ловить на своей территории животных ногозахватывающими капканами и перейти на гуманные (убивающие). При обсуждении закона о ратификации, вопрос об компенсации охотникам хотя бы части затрат при обмене одних капканов на другие, выдвигался, но наши законотворцы, решили не обременять бюджет и возложить все затраты по принятому ими решению как всегда на простого мужика и без того еле сводящего концы с концами. Но, почему-то не объяснив ему при этом, как на капкан типа Канибер можно в тундре или в степи отловить, к примеру, волка, который изводит сегодня на нет как диких, так и домашних животных. Такой капкан единственный из сертифицированных, на который теперь разрешается лов на территории страны, если придерживаться соглашения. И волка им поймать практически невозможно (сегодня разрешили ловить волков на ногозахватывающие капканы – нужда заставила).

При принятии закона о ратификации, депутаты опирались на Пояснительную записку, в которой кто-то из её авторов вывел удивительную, на мой взгляд, норму – «ежегодные потери капканов для охотника составляют 20%». Благодаря именно этой цифре, решили ничего людям не компенсировать: «Зачем? Если через 5 лет, все капканы у них будут полностью утрачены!»

Слева соболь пойман в капкан за лапку. Справа – в убивающий капкан типа Канибер КП 140

В данный момент идёт уже третий промысловый сезон, после того, как подписанное соглашение вступило в законную силу после пяти лет переходного периода. Но подавляющее большинство сегодняшних промысловиков даже не догадываются, что они являются нарушителями подписанного документа. И нет ни какой гарантии, что благодаря данному обстоятельству, завтра российскому промысловнику вместо того, чтобы платить деньги за шкурку с оторванной лапкой, не начнут выписывать штраф в 3-х кратном размере от её максимальной стоимости. Как это делали во времена СССР при превышении выделенного для охотника лимита по отлову соболей.

Да и все эти 8 лет, соболи у нас в стране ловятся во всё те же капканы, в которые они ловились ещё 20-30 и даже 50 лет назад. Ещё отцами и дедами наших сегодняшних охотников. Потому как ежегодная убыль капканов при охоте на соболей составляет примерно 0.5-1%. И то это максимум.

Не менее удивительным и вновь не поддающимся элементарной логике действием, является то, что в то время как соболь представляет собой квотируемый вид животного, общее количество выставляемых сегодня на торги шкурок, ежегодно превышает общероссийскую квоту на их добычу не менее чем в 2 раза (в 2013 году вообще более чем в 3 раза)! А сколько ещё соболей оседает на руках у населения в России? А сколько без всякого аукциона улетает в Китай и в другие страны?

Получается, что каждый охотник-промысловик ежегодно добывает в 3, а то и в 4 раза больше, чем ему «дядя в Москве разрешил». Но и эта цифра вовсе не точна, а является усреднённой, поскольку, как мы с вами уже выяснили, кто-то из тайги всегда выходит домой с мизером или вообще ни с чем, в то время как у кого-то сезон был превосходным.

Видимо надо рассказать ещё об одном, пусть косвенном, но немаловажном факторе, влияющем как на успехи охотника, так и на саму популяцию соболя. У нашего промысловика есть несколько врагов: волки, лисы, песцы, россомахи и хоть достаточно редко, но неудержимый канибализм. Когда соболи от бескормицы начинают поедать в ловушках своих же сородичей. Ещё одним врагом и даже бедствием, бывает медведь-шатун не залёгший в спячку. Который, кроме того, что очистит все путики от наживки в

ловушках и съест всё, что в них попало, применит все свои усилия и свой немалый ум, дабы лишить жизни и самого промысловика.

Существует чёткая закономерность – в сверхпродуктивный для охотника год, пресс на его ловушки со стороны этих врагов возрастает во многие разы. И счёт съеденным соболям иногда бывает куда большим, чем достаётся охотнику. В такие сезоны даже увеличенная в несколько раз проверка ловушек ощутимого результата не даёт, а за одной отловленной росوماхой или лисицей назавтра обязательно появится другая. Можно припомнить случай, когда у одного из штатных охотников северного Прибайкалья в начале 80-х годов прошлого столетия ещё до начала сезона волк съел собаку, а всех попавшихся в капканы соболей (более 40 штук), съели росوماхи и лисы. Пришлось вылетать на вертолётё домой без единого соболя.

Но есть и ещё одна закономерность – в последующие года после такого сезона, резкого падения численности никогда не наблюдается. Следующий промысловый сезон, как правило, бывает средним.

Совершенно очевидно, что в стране давно назрела острая необходимость отказаться от лицензий на добычу соболя, но взамен упорядочить учёт всех добытых особей, для того, чтобы иметь возможность отследить, где и сколько его добывается – мониторинг нужен обязательно. Сделать это достаточно легко и просто, даже выдумывать ничего не требуется – всё придумали ещё в СССР. Правда при этом придётся повернуться лицом к добытчику, а не к купцу, паразитирующему на труде промысловиков. Что в совершенно антинародной сегодняшней стране России, боюсь, сделать будет невозможно.

Нашему чиновнику от охотничьей отрасли, часто совершенно далёкому от той сферы деятельности, которой ему доверили порулить, давно уже пора вникнуть в проблему и чётко осознать, что для российского мужика есть лишь два понятия – можно или нельзя. А понятий «чуть-чуть можно, но больше не тронь» для него не существует вовсе. Тем более, когда он собственными глазами видит, что того продукта, которого ему немного разрешил какой-то дядя взять, на самом деле много. А тот дядя в своих расчётах на квоты исходил их цифр, явно выдуманных или высосанных из пальца – не хочу никого обидеть.

Вы со мной не согласны?

В советское время общее количество штатных охотников, промышлявших в тайге соболей полный сезон, едва ли достигало до 20 тысяч человек (остальные 5-8 тысяч штатных охотников занимались ловлей песцов). Ещё тысяч 60 (пусть 80) проводили свой месячный отпуск в тайге, в основном бегая за собаками на полайки и используя лов ловушками (капканами в основном), который даёт в несколько раз больший результат, лишь как подспорье к своей ходовой охоте. При том, взятых соболей «на ружьё», у таких «договорников» всегда было больше, чем «взятых» ловушками. Но после развала СССР количество промысловиков-соболятников, которые охотятся полный сезон, перевалило за 100 000 человек, как мы это уже обсудили. Потому теперь можно смело говорить об увеличении давления на популяцию соболя со стороны охотников как минимум в 3 раза. Если оценивать весь промысел по затраченным на него человеко-дням и в несколько раз возросшей плотности ловушек. Но ведь во столько же возросла и добыча, глядя на результаты аукционов? И при этом сегодня во многих местах Сибири и Дальнего Востока заброшены все дальние, наиболее продуктивные в советские времена угодья (в сущности они служат сегодня резерватами), на которые в те времена охотники попадали вертолётками. Промысел в настоящее время ведётся только в достаточно доступных местах. Получается, что если бы промысел вёлся и там, то соболя на торги попадало ещё куда больше. Парадокс, не правда ли?

О том, что пришла пора отменить лицензии, говорят не только люди занимающиеся промыслом, что постоянно находятся под дамокловым мечём, об этом говорит и наука. Но у наших чиновников высшего ранга, от чего-то появилась насущная потребность включить

соболя в «Перечень особо ценных диких животных...» (постановление Правительства от 31.10.2013 № 978). Чтобы за каждую сверхлимитную шкурку, человек отвечал по статье 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Как за добычу амурского тигра, белого медведя, зубра, снежного барса (леопарда) или алтайских горных баранов аргали, которых представитель президента в ГД господин Касопкин со товарищи расстреливал с вертолётa. Но все, кто занимался тогда тем отстрелом и остался при этом живым, никакого наказания за содеянное не получили - дело «спустили на тормозах». А вот то, что после включения соболя в тот перечень, наш «самый гуманный», но только для элиты суд начнёт простым мужикам статьи направо и налево раздавать, то в этом сомневаться не приходится. Тогда можно будет привлечь к ответственности любого промысловика без исключения!

Без всякого сомнения, всё то, что случилось с соболем в XVII-XIX веках, в сегодняшней России произойти уже не может – охотник теперь не тот. По каждому следу он теперь бегать не станет, под корчём у нады (специальный долго горящий костёр) он если и будет ночевать, то в случае крайней необходимости – в зимовье куда комфортнее. Ему проще построить сотню-другую ловушек и дополнительное зимовьё, чем он станет бить собственные ноги, гоняясь по тайге за каждым соболем и терять здоровье, клацая под утро зубами у затухающего костра.

Сегодня в стране много говорят о том, что нам в России, где уровень богатства и бедности сопоставим с таким же уровнем в отсталых странах Африки, обязательно нужен средний класс. Бесспорно, на мой взгляд, что именно промысловики могли бы вписаться в это определение, как никто другой. Одновременно и защищая природу на огромных территориях и изымая из неё, достойно зарабатывая при этом. (Для чего когда-то цари на Руси образовали в отдалённых местах казачьи поселения? Да и Израиль этот опыт перенял.). Но тогда государству надо аннулировать всех нахлебников и сделать так, чтобы добытчики перестали быть заведомыми браконьерами и рабами у «пушного купца» - могли составить ему настоящую конкуренцию на аукционе.

Боюсь, этого у нас не случится до тех пор, пока в стране не появится власть, что начнёт думать о народе, из которого сама вышла. Для которой сегодня люди, идущие в тайгу за «мягким золотом», вовсе неинтересны. Председатель Правительства РФ, одним росчерком пера, в марте 2013-го года лишил более миллиона, а то и двух российских граждан – многочисленных туристов, экипажи морских и речных судов, охотников и рыбаков, геологов, работников леса, пастухов с семьями и всех жителей отдалённых поселений, где электричество включают лишь один раз в сутки на несколько часов, конституционного права на получение информации. Прекратив финансирование радиопрограмм на длинных, средних и коротких волнах, на коих и можно только из-за огромной удалённости от FM и УКВ-передатчиков что-либо «поймать». Теперь люди, уходящие в тайгу или тундру, слушают в эфире вовсе не российские радиостанции на русском языке, а китайские, корейские, японские, индийские, американские (аглицкие) – все голоса планеты, кроме родного.

Правда, опасаясь, многим из читателей этой статьи, точно так же как и г-ну Медведеву, не дано понять вовсе, что означает для человека, оторванного от всех благ цивилизации в течении полугода, а то и того больше, голос его Родины из стоящего на столе зимовья или весящего в углу палатки радиоприёмника. Когда каждый человек неосознанно ощущает себя частью огромной страны.

Уже ни один раз здесь говорилось, что в тех местах России, где ведётся промысел, практически каждый административный район по площади равен, а часто и превосходит такие европейские страны как Голландия, Бельгия или Дания. Потому проблема охраны тайги и водных ресурсов от браконьерства, там всегда стояла и стоит достаточно остро – невозможно на таких огромных площадях справиться силами одной только охотничьей и

рыболовной инспекции. Утверждать обратное, могут лишь люди ничего не понимающие и ничего не знающие о жизни в этих регионах.

Даже в советские времена, когда механизм охраны, хоть со скрипом, но работал, в этих местах главным защитником животного мира был охотник-промысловик, кровно заинтересованный в том, чтобы зверь в лесу водился, и запасы рыбы в воде не иссякали. Невозможно было съездить на рыбалку не испросив разрешения у того человека, на чей участок ты собрался ехать. Сегодня инспекции в том виде, с тем же объёмами финансирования и теми же возможностями (к примеру, вертолётами), какие были в советское время, больше не существует и никогда видимо в будущем не появится. Это можно смело утверждать, оглядываясь на нашу действительность.

Что может сделать один инспектор рыбоохраны и один инспектор охотничьего надзора на площади 50 000 км²? Ни-че-го! И это надо признать со всей откровенностью. Кто сегодня защитит угодья? Может быть охотпользователь? Фирма-паразит, о которой мы уже выше говорили. Ни-ког-да!

Зачем частнику нужны лишние затраты на содержание егерей, дополнительную технику и ГСМ, если у него даже в первых строках устава написано, что «данное предприятие создано (им) для того, чтобы зарабатывать деньги». А про то, что их надо тратить на охрану угодий, которые он у государства арендовал, но сам в них появляется в лучшем случае набегами, там ничего не написано. А если его даже строго обяжут это делать, то он в лучшем случае начнёт писать липовые отчёты, к которым наше верховная власть с высоких трибун станет апеллировать, искренне считая, что она сделала всё, дабы природу охранить.

В руководстве этих фирм сидят люди неглупые и они прекрасно понимают, что обеспечить охрану даже в угодьях охотпользователя центральной России, где площади на несколько порядков меньше, совсем не простое дело, а когда у тебя за плечами площадь Брянской и Калужской областей вместе взятых, не стоит с этим и связываться вовсе — только выбрасывать деньги на ветер. Тем более во внесезонное время никто никогда на твоего соболя охотиться не станет, а то, что там круглогодично бьют копытных и изводят на нет рыбу в реке «электроудочками», его ничуть не волнует.

Так что «настоящего рачительного хозяина», ради которого четверть века назад был в России устроен очередной переворот, страна так и не получила. И всё больше и больше отчего-то укрепляется убеждение, что не получит даже в будущем. Пока не поменяется сознание верховной власти или народ сам не устроит следующий переворот. Ни в коей мере не призываю к этому, но боюсь, что этим всё и закончится.

А что же сегодня происходит с рыбалкой в России?

Любителей рыбной ловли в нашей стране всегда было больше, чем охотников. Как, впрочем, и везде в мире, где имеется достаточно водоёмов, в которых водится рыба. Посидеть на берегу с удочкой в те времена, когда на планете ещё отсутствовали компьютерные игры и интернет, поймать свою первую рыбку и почувствовать себя настоящим добытчиком, что было азартнее и лучше для подростка? Тем более в нашей стране, где на 1/9 части суши всей планеты, с избытком хватает рек, озёр, прудов и морей.

Не хотелось бы вам надоедать с рассказами, где и сколько рыбы в России водилось и добывалось испокон веков, скажу только, что эти цифры были огромны, а рыба всегда являлась одним из главных продуктов на столе россиянина. Каждый из нас в год съедает её примерно в 3 раза больше, чем гражданин США.

Самый сильный удар по наиболее ценным породам рыбы был нанесён в нашей стране в советское время, когда началось массовое строительство гидроэлектростанций. Платины перекрыли рыбе ход, а водохранилища повлияли на видовой состав. До возведения

платины водилась благородная рыба, после - осталась только частичковых пород. О том, что такое произойдёт, было понятно изначально, потому все потери благородной рыбы решено было компенсировать ударным трудом рыбозаводных заводов - в советское время наука была всё же на высоте. У идущей на нерест рыбы икра отбиралась, оплодотворялась, мальки после вылупления подкармливались и по достижении определенного возраста, выпускались в водоём. При этом потери молоди исчислялись всего несколькими небольшими процентами, в то время как их потери в естественной среде составляют от половины до двух третей.

Если в центральной России, основной удар после постройки ГЭС во многом пришелся только по осетровым, то в Сибири, где основу рыбных запасов составляли в большей мере всевозможные лососевые наряду с осетровыми, он был куда ощутимее. Например, на реке Ангара, единственной вытекающей из Байкала и впадающей в Енисей, где был построен целый каскад плотин, изначально водившаяся там раба (хариусы, ленки, таймени и различные сиги) встречается сегодня только под плотинами ГЭС. А все водохранилища пришлось специально зарыбить сазанами, лещами, язями и амурскими сомами, которых там до этого никогда не выдвали – сорога, щуки и окуни расплодились самостоятельно. Надо отметить, что во времена СССР постоянно предпринимались попытки «облагородить» рыбные запасы в сибирских водохранилищах, но, к сожалению, они больших результатов не принесли. Выпускаемые мальки омуля и пеляди всегда вырастали, достигнув куда большей массы и куда больших размеров (иногда в 3-4 раза!), чем они встречаются в естественных местах обитания, но потомства дать не сумели - природу обмануть не удалось, рыба нерестилищ для себя найти не смогла. Хотя по данным науки, столь быстрое наращивание массы и гигантизм рыб, говорит прежде всего о том, что естественная кормовая база водохранилищ столь избыточна, что создай непрерывный процесс пополнения водоёмов молодью, завтра получишь огромную отдачу.

Но только кто в теперешней России сможет заняться этим бизнесом? Когда все прилавки в стране завалены различной привозной рыбой и, как правило, откровенной дрянью, которую по-хорошему есть нельзя. Сёмгой, выращенной в садках Норвегии на стимуляторах роста – сиречь на гормональных анаболических стероидах и не менее вредных антибиотиках, с подкрашенным красителями мясом. Имеющую цену в 6 раз (!) большую, чем стоит наш качественный дикий дальневосточный лосось. Такого соотношения цен нет ни в одной цивилизованной стране мира (там соотношение цен обратное!). Или телатипией с пангасиусом, выращенными в сточных водах юго-восточной Азии на отходах животного происхождения, что сидя в садках с огромным удовольствием поглощают даже человеческие экскременты, как и свои собственные.

В советское время на внутренних водоёмах страны рыба добывалась либо рыболовными артелями при колхозах, либо специализированными рыбопромысловыми хозяйствами. Населению сетевой лов позволялся только в отдалённых местах, а в густонаселённых районах граждане довольствовались любительскими снастями. Но браконьерства на водоёмах России было в то время не меньше, чем в её лесах. В основном нарушители закона использовали неводы и сети, что плели сами дома по вечерам или «доставали» их всяческими путями у законных рыбаков – сетевых полотен в свободной продаже никогда не бывало. Кто-то ставил потаённые вентеры, корчаги или морды, иногда на дальних водоёмах «глушили» рыбу взрывами – других подлых способов ловли в советское время в центральных областях России и припомнить нельзя.

А вот в отдалённых местах (в основном в Сибири), существовали свои способы ловли, которые использовали ещё наши предки: разнообразные заездки, коими перегораживали речку или часть реки при спуске или подъёме рыбы, что в категорию запретного лова вошли лишь из-за своей уловистости; ночное «лучение» - битьё рыбы острогой, что наносит рыбе вреда не больше чем стрела подводного охотника; ловля рыбы «хапами» или саками - большими сачками, когда она идёт на икротёт и самый подлый способ поимки

осетровых – на «самоловы». Что во времена СССР практически сошел на нет - их ставили лишь отчаянные рискованные «бракоши» (сленг), но после кончины Советского Союза возродился вновь и с невиданной силой.

Но главным браконьером в те времена у нас был вовсе не человек с сетью, что, неоспоримо, наносил вред, но на многие порядки больше его наносили госпредприятия, уничтожая всё живое в водоёмах сбросами и сливами своих отходов. Самым ярким примером может служить печально известный Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК) 47 лет загаживавший всю атмосферу вокруг уникального озера (когда людям нечем было дышать), вместе с водами Жемчужины Сибири.

Если сегодня посмотреть на динамику добычи рыбы во внутренних водоёмах страны за последние 100 лет, то она по приведённым выше причинам неизменно сокращалась – рыбопроизводные заводы не помогли (давайте сейчас отбросим Крайний Север и Дальний Восток вместе со всем поголовьем проходной рыбы река-море-река). Но за последние четверть века после развала СССР во внутренних водоёмах произошел полный обвал – сегодня о какой-либо объективной статистике вылова рыбы даже речь можно не вести. Если она и есть, то лично мне в неё верить не хочется. Но всегда можно взглянуть на результат, что было 25 лет назад и что мы имеем сегодня.

Любой любитель рыбной ловли знает, что в центральных областях России на водоёмах общего пользования осталось на сегодняшний день очень мало мест, где можно ещё что-либо достойное поймать. В то время как и за Уралом во многих местах наблюдается значительное сокращение рыбы, а где-то она на сегодня отсутствует вовсе. Как будто её там никогда не бывало.

Для наглядности можно взять озеро Байкал, с его уникальными по разнообразию запасами ихтиофауны. Где в едином водоёме, но в различных местах обитания водятся как всем рыбакам в стране известные щуки, окуни, сорога (сибирская плотва) и налимы, что водились там во все времена. Сумели прижиться после зарыбления Иркутского водохранилища и распространиться по всему морю сазаны с лещами и язями. Как и живут омули четырёх рас, хариусы двух видов, сиги и осетры, а также ленки с тайменями, которых не так и много, но в устьях впадающих в озеро рек всё же наблюдаются.

Основным промысловым видом на Байкале был, конечно, омуль, воспетый даже в стихах и песнях в далёкие времена. Которого добывали всегда и в немалых количествах, но к концу советских времен им лакомились лишь те, кто его сам ловил и партийно-номенклатурная элита страны – всё остальное уходило на экспорт за рубеж. Граждане нашего государства не ведали его вкуса.

Значительные колебания численности омуля, из-за существенного вылова его, наблюдалось и в советское время. С 1969 по 1979 год даже пришлось вводить полный запрет на лов этой ценной рыбы, после которого популяция достигла своих номинальных значений в количественном отношении. Но, как отмечают рыбаки и учёные, отчего-то размер и средняя масса особей существенно уменьшилась.

Сегодня каждый любитель из ближайших к Байкалу районов Иркутской области и Бурятии вам подтвердит, что в течение примерно 15-и лет после снятия запрета, подлёдная рыбалка на омуля на удочку была очень даже неплохой, а иногда просто замечательной. Поймать 25-50 хвостов в день на рыбака было делом вполне обычным, и на эту рыбалку на выходные дни приезжали многие тысячи любителей. Но с наступлением новых времён и отношений в обществе, пресс на омуля стал таким, что эта рыба принялась исчезать на глазах - масса законных и незаконных бригад стала ловить его сетями круглый год и даже в таких местах, где до этого лов никогда не производился.

К концу 90-х никто из иркутян на западное побережье на омулёвую «подлёдку» специально больше уже не ездил, любители довольствовались сорогой и окунем в мелких прибрежных заливах (сорах). А лет десять назад и этой рыбы значительно поубавилось в местах паломничества отдыхающих в летние месяцы. Особенно на Малом море, отгороженным от Большого моря островом Ольхон. По всему побережью на многие десятки километров, как с материковой стороны, так и со стороны острова, на любой площадке, где только можно притулиться, машина к машине и палатка к палатке, начиная с середины июня и до сентября, наслаждались красотами Байкала многие тысячи отдыхающих. Утверждать, что они тогда сильно загаживали места своих стоянок, сказать не берусь – напротив, всё было по началу пристойно и без всяких негативных воздействий на окружающую среду, но... Но только каждая компания, состоявшая, как правило, из нескольких семей имела с собой надувную лодку и по несколько длиннющих китайских сетей. Те продавались в городах на каждом углу нашими юго-восточными соседями совсем за бесценок (100 м по цене 1.5-2 кг рыбы), потому каждый залив сибирского моря был уставлен ими вдоль и поперёк – по всей акватории заливов в открытую болтались пластиковые бутылки-наплава. И нашей рыбинспекции не было никакого дела до такой «рыбалки» тысяч отдыхающих. Всё это продолжается и сегодня, может быть только в меньших объёмах, поскольку рыбы в местах отдыха можно сказать, больше нет. Хотя особо переживать по этому поводу пока не приходится – прекрати сегодня сетевой лов, через пять-десять лет поголовье рыбы полностью должно восстановиться.

Всё вышесказанное чаще всего касалось частиковой, так называемой «соровой» (от слова «сор», что на Байкале означает тёплый мелководный залив) рыбы – щук, окуней, ельцов, сороги, лещей и сазанов, но вот куда сегодня подевался хариус в береговой линии всего Ольхона и на материковой части Малого Моря, есть чёткое объяснение только у науки, финансирование которой правителями нынешней России отодвинуто на дальние задворки.

Если ещё в самом начале нынешнего века по всему скалистому и часто неприступному побережью острова, простирающегося с юга на север на 73.5км, в тихие предвечерние и утренние часы море вскипало от плавающего хариуса, а наловить его на мушку на уху, «жарёху» и на «немного с собой», никаких особых трудов не составляло, то три года назад на пять спиннингов за пять дней, объездив на двух лодках и обходя ногам всё побережье с восточной стороны острова от Ольхонских ворот почти до северного мыса Хобой (порядка 65 км), так и не пришлось увидеть ни одной (!) поклёвки. Но эта рыба никогда особых промысловых значений не имела - главным достоянием Байкала всегда был только омуль. И всё, что с ним сегодня связано, вызывает даже не удивление и не разочарование, а чувства несколько иного свойства.

Ещё 10-15 лет назад у скалистых берегов острова Ольхон всегда можно было наловить на спиннинг хариуса. Сегодня его там не стало.

Ниже только факты, о которых всё ещё существующая, но бедствующая в России наука не в состоянии сегодня достучаться до сознания властей:

- поскольку вдоль нерестовых рек в водоохраной зоне вырублен лес, обмелели все нерестилища – некогда полноводные реки превратились в ручьи. От чего естественное воспроизводство селенгинской и посольской рас омуля катастрофически сокращается. Обмелению поспособствовали и два подряд жарких года – 2014 и 2015гг.

- во времена Советского Союза общий объём выпускаемых в Байкал личинок омуля с рыбопроизводных заводов составлял порядка 40% от всех личинок попадающих после нереста в Байкал. Тогда как в нынешнее время государством практически больше не финансируются и фактически больше не работают все рыбопроизводные заводы созданные во времена СССР. Которые правительство РФ выставляет сегодня на торги, в стремлении передать всё в частные руки (некоторые из этих заводов уже восстановить невозможно). Но желающих заняться рыбопроизводством, нет и видимо не будет.

- судя по различным публикациям, объём омуля вылавливаемого в нерестовых реках озера Байкал, сегодня превосходит его добычу в самом озере. Законные рыболовецкие бригады утверждают, что «берут только «покатного» - т.е. отнерестившегося омуля, хотя по факту, доля икраных особей в уловах может достигать 50%. Омуль в отличие от других рыб, идёт на нерест стадами, а не общим валом. И временная разница между первым стадом и последним, может составлять, 1.5 месяца. Наука давно говорит о том, что лов «покатного» омуля в реках следует строго запретить и разрешить его только для воспроизводства поголовья.

- по данным науки, доля неучтённого вылова даже у законных бригад ежегодно превышает 30-40% от выделяемых им лимитов, а с учётом браконьерского вылова, который явно больше 25% от общей квоты, байкальской рыбы ежегодно добывается не менее чем в 1.5-2 раза больше разрешенного объёма.

- строительство вдоль береговой линии Байкала в доступных местах многочисленных баз отдыха, туристических комплексов и разрастание поселений за последние 25 лет, привело к большому количеству сбросов в озеро различных нечистот. Это способствовало появлению губительных для всей экосистемы и чужеродных для Байкала сине-зеленых водорослей спирогиры. Которые теперь не дают откладывать на камнях икру всем бычкам. А главное, пелагическому бычку-желтокрылке, молодь которого является важнейшим кормом для омуля, а взрослые особи служат кормом для нерпы. Заросли спирогиры во

многих местах парализовали все нерестилища бычков. Данное обстоятельство уже грозит Байкалу экологической катастрофой - бычку нужны чистые камни, чтобы икра была отметана.

- в прибрежной зоне Байкала гибнут все виды эндемичных губок, что фильтруют (очищают) воду озера. Если не принять срочных мер, грядущие поколения могут уже не увидеть исключительно чистой байкальской воды.

- финансирование науки, того же Байкальского Лимнологического института РАН, занимающегося непосредственно проблемами Байкала, столь незначительно, что данное бюджетное учреждение не знает сегодня, где изыскать средства на безотлагательно необходимое обследование всей береговой линии озера в связи с вышесказанным. Как и уже 2 года не может найти денег для обработки данных комплексного обследования состояния запасов омуля на всей акватории озера, проведенные ещё в 2014 году. Для чего требуется сумма 500000 рублей (€6000), что примерно сопоставимо с месячной зарплатой одного депутата Государственной Думы РФ.

А что же обо всём этом думает наш чиновник? Если внимательно оценить все выступления на совещаниях и конференциях по проблемам Байкала представителей различных ведомств, то можно заметить следующее: наука у нас всегда стоит на одной стороне, со своими попытками аргументировано доказать наличие проблем, чиновник со своими структурами на прямо противоположной – «Мы особых проблем пока не наблюдаем!», а бизнес, который всё отлично знает, всё досконально понимает, но не желает терять прибыль, всегда находится посередине. Но чем же наш чиновник обосновывает своё видение проблемы или её неведение?

Сегодня любой желающий может найти в интернете Государственный Доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране». Сей документ под редакцией высокопоставленных московских чиновников разных ведомств появляется на свет ежегодно, описывая всё, что касается состояния дел в Байкальской Природоохранной Территории (БПТ). Куда входит часть Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Но давайте с вами попробуем внимательно оценить, насколько реальны цифры, приведённые в нём. Для чего откроем наиболее близкий нам раздел - Охотничье хозяйство.

Читая его, возможно у кого-то потеплеет на душе, когда он увидит цифры, согласно которых и численность животных у нас стабильна и по каким-то видам даже постоянно растёт. Колебания, если таковые наблюдаются, то в пределах нормы, и даже... Даже те, кто эти цифры выводил, такие молодцы и столь ответственные работники, что... Что из года в год, на площади 386184км² (территория свыше таких стран как Германия или Норвегия), а на большей её половине находятся высокие лесистые да скалистые горы и где вовсе нет никаких дорог – кроме как собственными ногами с грузом на плечах или на лошадях, которых в наше время практически не осталось или на вертолётах, коих тоже теперь не стало, ни на чём не доберёшься, они умудряются пересчитать всех зайцев, всех белок, всех соболей и колонков, не считая копытных, ... до последней особи.

Но, если вы лично зададите вопрос любому из егерей, охотоведов или инспекторов охотнадзора в прилегающих к Байкалу административных районах, как это им удаётся ежегодно совершить столь великий подвиг, то если они будут уверены, что задающий этот вопрос никакого отношения к их вышестоящим организациям не имеет, они для начала покрутят указательным пальцем у своего виска (жест, обозначающий в России твою умственную неполноценность), а потом со злостью и обречённостью в голосе вам скажут, что у них нет никакой реальной возможности достойным образом охранять вверенную им территорию, за которую они в ответе. Из-за недостаточного финансирования и материального обеспечения. А терять массу времени и сил для того, чтобы пересчитать всех зайцев и белок до единой, как этого от них требуют сверху, у них нет никакой реальной возможности. Тем более всем понятно, что перепроверять любой отчёт в тайгу

никто и никогда не пойдёт, как и доказать того, что никто никаких обследований не проводил, также невозможно.

Эту изначально порочную практику создали не на местах, её создали в Москве некомпетентные люди, поставленные руководить тем, в чём они мало что понимают – в высшем эшелоне Минприроды нет ни одного охотоведа-практика, с большим опытом работы. А им вовсю подыгрывают чиновники на местах, которые часто всё понимают и осознают, что занимаются подлогом, но даже заикаться им о порочности сложившейся за четверть века системы в стране нет никакого смысла – «Могут не так понять», «Зачем я буду рисковать своим местом? Когда из желающих его занять, вдали конца не видно!» Да и теперь руководители на местах, это больше не практики вовсе, «съевшие собаку» в своём деле, как это было в советские времена, а чаще «выдвиженцы» из силовых структур. Подобное наблюдалось и в советское время, но на общем фоне встречалось достаточно редко – сегодня же видится повсеместно.

Более чем уверен, что если эту статью в России когда-нибудь и кто-нибудь всё же прочтёт, то сразу подумает, что подобное творится во всех отраслях страны без всякого на то исключения. Но наша верховная власть, породившая всё это, обязательно скажет, что она здесь вовсе не причём – во всём виноват народ. И, к сожалению, во многом будет права – мы все своим молчанием и нежеланием «будить лихо, пока оно тихо» позволяем ей подобное.

Не знаю как у вас, но у меня, когда читаю подобный этому Докладу документ или слышу с высоких трибун, как всё у нас в стране оказывается замечательно, возникает единственная ассоциация... С популярной некогда в СССР шуточной песенкой, спетой ещё в конце 30-х годов прошлого столетия Леонидом Утёсовым и его дочерью Эдит: «Всё хорошо, прекрасная маркиза! Всё хорошо! Всё хорошо!» Где управляющий именем докладывает своей хозяйке, что у неё только любимая кобыла сдохла, тогда как на самом деле уже нет за душой ничего – от имени осталось одно пепелище, и даже её муж застрелился.

Так что, повторюсь, единственным критерием, коим мы можем сегодня оценить то от чего ушли четверть века назад и к чему пришли сегодня, являются вовсе не заверения властей с высоких трибун о достижениях и не доклады, а та действительность, которую мы с вами наблюдали раньше и видим сейчас:

- судя по цифрам, обозначенным в Докладе, в тот момент, когда идёт «рост» популяции, наблюдается значительное падение добычи, чего по логике быть никак не должно. Российский мужик вдруг разучился охотиться? Это говорит лишь о том, что охотники, у которых имелись на руках лицензии (а их в этих некогда богатых зверем угодьях реализуется всегда 100%), не сумели в относительно доступных местах добыть зверя. По убеждениям охотников, советское и нынешнее время по количеству дичи даже сравнивать нельзя. По недавнему заверению одного из опытейших охотников одного из северных районов Бурятии, из 4-х приобретённых им за 2015 год лицензий на изюбря («на пантовку», «на рёв» и «с подхода») он не смог реализовать ни одной из них – «Только деньги на ветер выбросил! Зверя в наличии нет! По близости всего перебили!»

- по наблюдениям, за последние 25 лет, во всём Прибайкалье в разы сократилось количество водоплавающих. Как пролётных, так и гнездящихся. За исключением, взрывным темпом плодящихся на самом Байкале бакланов. Официального обоснования данному факту нет, но по имеющимся данным, обвал произошёл в тот самый момент, когда в Китае началась борьба с птичьим гриппом. Где скопившуюся в огромных количествах на зимовках птицу травили ядами и десятками (если не сотнями) тысяч за раз бульдозерами закапывали в траншеях в землю.

- каждому гостю, приезжающему сегодня на Байкал, повсеместно предлагают отведать «свежезакопчёного, ещё горячего» омуля или хариуса. Если ещё 15 лет назад, «хвост» (местный жаргон) такой достойной в своих размерах рыбки в том же посёлке Листвянка множество торговых предлагало за 20-25, редко за 30 рублей ($\approx 0.3-0.4\text{€}$), то сегодня омуль

размером с вилку (!) больше никого не шокирует и предлагается основательно сократившимися в своём числе рыбными негоциантами за 180 руб. (2.2€). В то время как за достойный экземпляр, с вас попросят 250-300 рублей (3.5-4€) – цена возросла в 10 раз! А на вопрос, почему рыба стала такой дорогой, да ещё и мелкой, пожмут плечами и, ничего не скрывая, вам ответят: «Так не ловится!» Поступающий в продажу мелкий нагульный омуль говорит ещё и о том, что сегодня для его вылова применяют мелкие сети.

- рыболовецкие бригады, промышлявшие омуля в советское время в Малом Море, уже более 10-15 лет как прекратили его там ловить из-за отсутствия рыбы и сменили Малое море на Большое. Выискивая омуля эхолотами и занимаясь дрифтерным ловом, чего раньше на Байкале никогда не бывало (дрифтерный лов с 2016 года в открытых морях в экономической зоне России повсеместно запрещён, но на Байкале, видимо, будет продолжаться). Отсутствие в Малом море рыбы, сегодня объясняют прокладкой электропроводного кабеля по дну пролива Ольхонские ворота в 2006-м году, благодаря которому электричество пришло на остров. Но так ли это на самом деле, может ответить только наука, денег у которой на исследования нет.

фото Леонида Московских

Так может быть в удалённых местах, дело с рыбалкой обстоит лучше?

Мы с вами уже говорили о том, что в отдалённых, промысловых некогда районах, кроме осенне-зимнего таёжного промысла, в летний период всегда шел рыбный промысел на водоёмах. Где предпочтение отдавалось «красной рыбе» (осетровым), если таковая была, но в основном добывали «белую рыбу» (благородную), ещё чаще «чёрную рыбу», всем известных частиковых пород. Все водоёмы, как и все охотничьи угодья, были строго разделены для частного и промыслового лова – представители же коренного населения, могли рыбачить там, где они захотят, им ничего не возбранялось. В основном весь промысел был только сетевым (иногда неводным) и если строго соблюдался запрет ловли в нерестовый период, а ячея применяемых сетей соответствовала только крупным особям того или иного вида рыбы, то прилов был минимальным – особого давления на популяции рыб не наблюдалось десятилетиями. Тем более таким ловом занимались в основном те, кто в зимний период в этих же местах промышлял зверя и пушнину, потому был кровно заинтересован в том, чтобы рыба в реке не кончалась, а зверь в тайге водился. Основной постулат «Дай рыбе отнереститься, а потом лови!», соблюдался, как правило, строго.

С развалом СССР всё поменялось. Прежде всего начала изменяться психология людей. С тех самых времён, когда русский мужик пришел в Сибирь и обосновался здесь на постоянное жительство, никакой власти над ним, которая бы регламентировала, как ему жить, что делать и как поступать, не было и в помине. В центральных областях России был помещик, который распоряжался всем, в Сибири же всё решал народный сход – «опчество» (от слова общество). В достаточно больших поселениях избирался староста, что разрешал различные споры, от которых человечество никогда не избавится и следил за тем, что бы все коллективно принятые постановления строго исполнялись.

Самым близким примером того, как были тогда устроены взаимоотношения людей, мы можем наблюдать и сегодня, глядя на то, как живут в Сибири староверы (кое-где их ещё называют «семейские»). Сумевшие пронести свою веру, быт, трудолюбие и отношение к жизни со времён раскола церкви в середине XVII века до наших дней. И для которых зверь в тайге и рыба в реке всегда являлась неотъемлемой частью существования, как и было у всех наших предков.

«Опчеством» решали, где и какая семья будет охотиться, чтобы не мешать другим, где она станет неводить, ставить сети, какую речку по осени они все вместе будут «городить» (делать заездки, чтобы взять сразу должное количество спускающейся рыбы, чтобы той хватило на долгую зиму), когда лов начинать и когда заканчивать. Особо решался вопрос с самоловами на больших реках, где имелись осетровые – «под Вознесенье господне ставь – на Илью сымай!». И нарушение решений схода могло караться для человека такими последствиями, что иным приходилось бежать сломя голову с насиженного места.

Первый ощутимый удар по сложившимся вековым устоям в сибирской деревне нанесла советская власть, но взамен она всё же дала людям работу и они со временем приспособились к другой жизни. Второй удар, уже наотмашь, от которого многие не оправились до сих пор, по всем жителям всех сельскохозяйственных районов страны и куда больший по поселениям в отдалённых местах, нанёс развал Союза. Когда народ снова принялся жить со своего хозяйства (в основном с огорода) и стал оказывать невероятное давление как на зверя в лесу, так и на рыбу в водоёмах, как мы выше уже об этом с вами говорили. В ход пошли средства лова, о которых уже стали забывать. Те же самые самоловы на осетровых, поскольку именно эта рыба и её икра имеет сегодня на рынке наибольший спрос и большую цену. В 2008 году по всей России был введён запрет на лов дикой «красной рыбы» (осетровых) и официально прекращён оборот дикой чёрной икры. Но, к сожалению, оборот икры ничуть не сократился и любой желающий в стране может без особого труда приобрести дику осетрину от Каспия до низовьев Лены и Амура.

Негативные изменения в сознании определённой части населения за последние 25 лет, как и прогресс в современной электронике привели к куда более варварскому методу изъятия из водоёмов рыбы (назвать сей метод благородным словом «рыбалка», язык не поворачивается). Битьё её током так называемыми «элетроудочками». Впервые он был описан в Германии Альбертом Шенфельдером в 1925 году, изучался и совершенствовался в научно-исследовательских институтах рыболовства во времена СССР и нашел себя повсюду в нынешней России. В основном посредством приборов, изготовленных в Китае, хотя и в нашей стране хватает электронщиков. Если опустить в воду два электрода и подавать на них импульсы определённых параметров (как утверждают, различных, для каждого вида), то вся рыба от молоди и до взрослых особей, находящаяся в округе на расстоянии 10-15 метров и более (в зависимости от силы тока) устремляется к аноду и, попадая в прямое поле, получает шоковый удар. После которого вся молодь мгновенно погибает, а у взрослых особей, если даже они и выживают, не попадая в сачок современного вандала, происходит деформация скелета и рыба становится примерно вот такой:

Сегодня в You Tube можно найти достаточно роликов подводной съёмки, что творится в водоёме после того, как незадолго до этого на рыбу воздействовали током. Где убитой мелочью усеяно всё дно, а взрослые особи еле шевелятся.

Данный способ «лова» охватил сначала всю центральную Россию, изведя там рыбу в некоторых водоёмах на нет, но теперь уже добрался до Сибири и Дальнего Востока.

Ещё одним фактором, влияющим на количество рыбы в наших водоёмах, является даже не откровенная жадность людей, как это может показаться, а укоренившиеся привычки рыбаков, от которых они уйти не в состоянии.

Постепенное обретение жителями удалённых уголков страны, где нет дорог и реки являются главными транспортными магистралями, надёжных и экономичных лодочных моторов ведущих иностранных фирм, как и появление на руках у любителей современных любительских снастей, о которых ни наши рыбаки, ни наша рыба ещё недавно не ведали, уже приводит к тому, что пресс на различные популяции рыб в доступных местах, стал значительно большим, чем он был когда-то при сетевом лове. Прежде всего в силу ментальности нашего рыбака, который забирает себе любую попавшуюся ему рыбку независимо от её размера – желающих выпускать обратно в водоём рыбных детей и подростков, у нас крайне мало. Сетевой же лов при соблюдении размеров ячеи, всегда исключал возможность попадания молоди. Потому, когда сегодня на всевозможных форумах в Рунете вроде бы «правильные» рыбаки – на удочку, нахлыстовую снасть или на спиннинг, выказывая своё презрение к «сетевикам», хвастаются своими уловами, где основу составляет откровенная мелочь, которой ещё надобно расти и расти, то всегда хочется оставить вопрос открытым и предложить задуматься, кто из рыбаков наносит природе больший ущерб, первые либо вторые. Когда в одинаковом по массе улове, у одного рыбака имеется 50 «хвостов», а у другого всего 10. Но по сложившимся понятиям в сознании российских любителей рыбалки, браконьером всегда будет считаться только второй.

Уловы хариусов и одного совсем маленького ленка на любительскую снасть. Его основу составляют совсем мелкие рыбки, которым ещё надо было расти и расти.

Наиболее показательными при этом, видятся отчёты со всевозможных конкурсов по рыбной ловле, проводимые сегодня в стране. Когда организаторы, позиционируя себя «правильными рыбаками», часто в зачёт улова принимают всю попавшуюся рыбу независимо от её размера до последнего хвоста. И можно даже не сомневаться, что все участники этого действа – все зрители, где бывает много приобщающихся к рыбалке детей, и все те, кто когда-либо увидит отчёт о проводимом конкурсе, будут так же поступать всегда. Даже не подозревая, что любителю рыбной ловли в цивилизованном государстве не отпустить попавшуюся ему мелкую рыбку обратно в водоём, чтобы она доросла до нужных размеров, всегда бывает стыдно.

Выше мы с вами уже говорили, что в нынешней России во главу угла поставлен бизнес, а интересы народа и тем более сохранение природы отодвинуты на задворки. Самым ярким примером этому может служить откровенное убийство рек в золотоносных районах страны. Где минимизация издержек при производстве работ и элементарное несоблюдение

правил добычи приводит к тому, что всего за несколько лет чистейшие как слеза ребёнка реки превращаются в грязные сточные канавы, текущие на многие сотни километров. При этом, любые попытки обращения местного населения в многочисленные природоохранные инстанции на местах и даже напрямую к губернаторам, ни к каким изменениям не приводят – ответа от властей не дождешься.

Но даже суды, обязанные стоять на страже интересов государства, стоят сегодня на стороне бизнеса. ООО «Артель старателей «Ангара-Север» (Красноярский край) доведённое всё же до судебного разбирательства с вменяемым ей ущербом 404,5 миллиона рублей ($\approx$ € 5 220 000), в конечном итоге заплатила штраф 30 тысяч (€ 387) – в 13500 раз меньше обоснованной суммы ущерба! Во как!

Подобное, к сожалению, в современной России становится повсеместной практикой. Как правило, штраф за нарушение природоохранного законодательства не превышает цифры 300 000руб (порядка €4000) – заплати такую сумму и можешь превращать любую реку в помойку, а ещё недавно девственную её долину в лунный ландшафт.

Но если в защиту рек ввязываются экологические движения, то, судя по публикациям, ответный удар со стороны государства получают именно они. Как это случилось с «Экологической Вахтой Сахалина» сумевшей защитить от варваров лососевую реку Лангери. Пока ещё стоят, защищаясь, на ринге, но гнутся под ударами Министерства юстиции РФ: Экологический клуб «Улукиткан» в Амурской области, «Байкальская Экологическая Волна» в Прибайкалье, что немало сделала для закрытия на Байкале БЦБК, «Геблеровское экологическое общество» в Алтайском крае, что много лет противодействует добыче золота в природных заказниках; «Центр независимых исследователей Республики Алтай», ведущий мониторинг нарушений при россыпной золотодобыче.

В нынешней России принят закон о Некоммерческих организациях, при котором вся наша общественная экология попала в разряд иностранных агентов, а со шпионами в нашей стране, как и с инакомыслием, власти во все времена не церемонились. Правда, в конечном итоге, рождая этим очередные революции.

И это в то самое время, когда местному мужику, поставившему в загубленную реку рыболовные сети – по другому там ничего поймать сегодня нельзя, выписывают тысячный штраф. Хотя в советское время он там рыбачил именно так и рыбы от этого меньше не

становилось.

Одна и та же река с разницей в 10 лет.

Россия, это вам не некогда русский штат Аляска, где только за факт добычи на её территории полезных ископаемых, $\frac{1}{4}$ прибыли государства от этой деятельности напрямую распределяется между всеми местными жителями только лишь за причиненное им неудобство. Как, впрочем, и не Арабские Эмираты, Кувейт, Катар, Бахрейн или Саудовская Аравия, где шейхи и эмиры компенсируют каждому своему подданному, даже не настоящие, а его будущие возможные издержки. Когда недра этих стран оскудеют без нефти и газа и останется одна голая пустыня. Что, кстати, делал и убиенный диктатор стёртого сегодня с лица планеты Земля государства Ливия, Муаммар Каддафи.

Уже несколько лет в правительстве РФ во всю обсуждается закон, по которому наша власть в лице министра природных ресурсов г-на Донского С.Е. собирается дать возможность индивидуальному предпринимателю (сиречь любому гражданину, боюсь, больше китайскому, чем российскому) добывать золото самостоятельно. Хотя сегодня золотоносные районы Сибири и Дальнего Востока давно уже Каландайком не назовёшь, но месторождений с мелким содержанием золота 0.5-1гр на кубометр породы, вполне хватает. Потому можно ничуть не сомневаться, что как только этот закон будет принят, в России будут загублены тысячи речек и рек. Где о наличии какой-либо рыбы речи больше вообще не будет. Как, без сомнения, и золота государство не получит, в чём можно не сомневаться.

Мы уже с вами упоминали о том, что для любого человека в первую очередь важна справедливость. Если какой-либо закон согласуется с внутренним пониманием подавляющего большинства граждан, что этот закон справедлив, то он будет исполняться, если же нет – принудить народ к его исполнению вам никогда в жизни не удастся. Люди всегда найдут способ обойти его.

В некоторых промысловых районах Сибири, где в советское время сетевой лов, ограниченный лишь общей длиной применяемых за раз сетей, вовсе не возбранялся, но в 90-х вдруг был запрещен и всё местное население в одночасье стало браконьерами, сегодня можно прийти в рыбинспекцию, попросить, чтобы человеку выписали минимальный административный штраф за незаконную ловлю на то самое время, когда он собирается съездить на рыбалку и после того, как штраф будет оплачен, можно отправляться на лов. При этом, между сторонам будет принято строгое взаимное соглашение, что будет поймано, скажем, не более 40 кг рыбы, которое рыбак и поймает – ему нет никакого смысла подобную договорённость нарушать. Поскольку завтра его путь на водоём вовсе будет заказан. Как и тем деятелям, что на сговор с инспекцией не идут, а ловят когда хотят и сколько хотят. А если бывают пойманы при этом, кроме того, что теряют все свои снасти, штраф получают на порядок больший, и даже рискуют потерять ещё и лодку с мотором, если с ними поступят по всей строгости закона.

Кто-то сейчас осудит подобную практику, начнёт говорить о недопустимости со стороны инспекции таких деяний, начнёт рассуждать о морали и чести служителей закона. Но даже не подумает поставить себя как на место рыбака, которого лишили занятия, коим он занимался для пополнения своего стола во все времена («Как это жить у реки и не сметь поймать для себя рыбы?» - слова рыбака из многим известного документального фильма «Счастливые люди»), так и инспекции. Которая прекрасно понимает, что если лов не разрешать, начнётся полный «беспредел» – люди рыбачить будут всё равно, найдут более изощрённые способы, да и открытая война в условиях тайги, где населения совсем немного, всегда может привести к трагедии, где и концов никогда не сыщешь.

А так, есть возможность держать ситуацию под контролем, можно отслеживать обстановку, благодаря постоянным контактам с людьми. Жестко наказывая только самых злостных браконьеров (если на них такую управу без последствий для себя, из-за их официальных должностей, можно найти), но, главное, показатели инспекции всегда на высоте – по протоколам они передовики борьбы за сохранение природы.

Впрочем, в некоторых отдалённых от Большой земли местах, даже дорожная полиция так же поступает – делая свой пресловутый «план по поимке нарушителей», выписывая самые минимальные штрафы всем владельцам мото и автотранспорта подряд по очереди без всякого разбора, чтобы никому не было обидно.

Таковы реалии постсоветской России – вновь система, созданная в стане властью далёкой от народа, заставляет всех людей изворачиваться, находить компромиссы, а по сути лгать и обходить законы, обманывая как государство, так и самих себя.

Но наиболее возмущение жителей в отдалённых местах, как и наибольшее давление на копытных в тайге и рыбы в реках (наряду с «электроудочками»), вызывает её лов и отстрел зверя сразу по окончании весеннего ледохода. Когда это сделать проще всего.

Так кто же он? Российский браконьер.

Если внимательно присмотреться к российскому браконьеру, то его условно можно разделить на две совершенно разных категории – «тихушник» и наглец. К первым можно отнести тех, кто лучше любого егеря знает лес, в котором он в положенное время законно охотится, а в неположенное время браконьерит. Он знает все тропы, все солонцы, места предпочтительного обитания зверей в то или иное время, часто даже «лично знаком» со многими зверями на своём участке – знает, где те ложатся на отдых, где жируют, в какое время и где их можно встретить. Этот браконьер всегда обойдётся одним единственным точным выстрелом, возьмёт ровно столько, сколько ему потребно и никогда не станет стрелять по матке или по молодняку во внесезонное время. К «тихушникам» можно отнести и какую-то часть егерей (если не большинство), имеющих мизерные доходы и от того не гнушающихся воспользоваться тем, что они охраняют – да не осудят они меня за откровения.

Если в первую категорию входят простые российские мужики, то «наглецы» это всегда люди при власти или с большими связями во властных структурах. Которые для животного мира страны несут куда большую опасность, чем «тихушники». Ни для кого не секрет, что чаще всего браконьеры на современной технике, будь то катер с мощным мотором, гусеничный транспортёр или машина высокой проходимости, это люди с достаточными доходами, чтобы позволить себе многое. Для которых приобрести на рынке парное мясо совсем не накладно, и они своё безудержное браконьерство рассматривают не как средство для существования и прокорма для своей семьи, что наблюдается у первой категории браконьеров, а как жесткий спорт – игру. По правилам которой, забраться в наиболее недоступные для простых людей места, наловить там побольше рыбы, чтобы катер не мог выйти на глиссирование, и настреляться вдоволь по всему, что шевелится, без всяких на то разрешений, как и «оторваться» от преследующих их инспекторов за счёт мощи своих транспортных средств и есть тот самый кайф, когда от адреналина вскипает кровь.

Но к основной части популяции второй категории браконьеров прежде всего следует отнести таких, для которых ничего святого не существует вовсе. От их наглости нет спасения ни рыбе, ни птице, ни зверю, а иногда и человеку. Как нет и каких-либо ограничений в способах достижения своей цели ради наживы. И от которых можно ожидать чего угодно. Очень часто, кстати, такими становятся бывшие, а где и настоящие работники силовых ведомств, у которых «всё схвачено». Самым ярким примером тому может служить начальник астраханского УБОП полковник Ринат Салихов, объединивший вокруг себя всю рыбную мафию Астрахани и получивший высшую меру наказания за то, что «убирал» вокруг себя как конкурентов, так и всех тех, кто противодействовал ему. Сколько ещё таких же, но менее наглых «салиховых» «пользует» сегодня чаще незаконными средствами и независимо от запретов, диких зверей, птиц и рыбу по всей необъятной стране?

Исследования Всемирного фонда дикой природы (WWF), показали. В 72.7% случаев браконьерства в России является нужда и отсутствие иной возможности прокормить семью. У остальной части браконьеров основным побудительным мотивом является откровенная нажива. А я бы сюда ещё добавил одно – всегда подлую жадность.

Повсеместно, особенно за Уралом, ещё с советских времён какая-то часть охотников, дабы иметь определённые привилегии, всегда стремилась сблизиться с инспекцией – завести с ней дружбу. Как правило, в близкие друзья попадала категория так называемых «нужных людей» - в условиях всеобщего дефицита и не особо щедрого финансирования этих структур со стороны государства, такая дружба давала выгоду обеим сторонам: «Ты мне – я тебе!». Инспекция могла воспользоваться, к примеру, услугами в ремонте техники, получать дополнительно ГСМ, которого всегда не хватало из-за скромных лимитов и даже использовать вертолёты, аренду которых оплачивало стороннее предприятие, от чего она могла лучше и в большем объёме исполнять свою миссию. Взамен все те, кто инспекции оказывал услуги (не за личный, а за государственный счёт!), могли охотиться и рыбачить когда они хотят, где хотят и как хотят.

Данная практика никогда никем в нашей стране не осуждалась и даже в какой-то мере приветствовалась – руководство инспекции умеет решать вопросы! Хотя подобное, когда, по сути, охрана животного мира страны напрямую зависит от откровенного браконьерства, пусть даже отдельных лиц, есть нонсенс. Предвижу критику в свой адрес, но думаю, что, в сущности, данное положение дел мало чем отличалось от того, что если бы прокуратура в своей работе пользовалась услугами воров (в нашей стране, к сожалению, и такое бывает). Ни в коей мере не хочу оскорбить огромную массу порядочных и честных людей – говорю лишь о принципиальности вопроса.

Всё это до сего дня порождается тем, что руководство страны всегда считало развитие военно-промышленного комплекса или покорение космоса, к примеру, куда более приоритетными задачами, чем защита той среды, в которой люди живут. Рассматривая нашу природу (среду обитания в глобальном смысле), как нечто существующее само по себе, из которого можно только изымать, а давать взамен совсем необязательно.

Основной мотивацией для подавляющего большинства абитуриентов, идущих в нашей стране на специальность Охотоведение в ВУЗы и колледжи, является желание быть поближе к охоте. Но со всей откровенностью стоит признать, что наряду с теми, кто после обретения специальности грудью стоит на защите нашего животного мира, а иногда подвергается огромному давлению и нападкам со стороны властных структур, уличенных в браконьерстве или иных противоправных действиях, достаточно часто, получив должности, обязывающие этих специалистов природу охранять, они сами начинают пользоваться тем, что оберегают. Примеров этому можно привести массу. Самый известный, конечно, всё тот же случай с отстрелом редчайших в нашей стране архаров аргали в августе 2009 года, где вместе с полпредом президента, в отстреле учувствовал не только заместитель главы республики Алтай, но и глава комитета по охране объектов животного мира правительства этой же республики. Потому с огромной долей уверенности можно сказать, что такая «VIP-охота» с чиновниками, депутатами и природоохранниками высочайшего уровня могла произойти в любом из 85 субъектов РФ – это они пишат и принуждают народ соблюдать законы, но себя зрят выше их. Россия сегодня в этом отношении стала похожей на Африку.

Чего стоит одна только ружейная стрельба по всему, что шевелится из окна VIP-вагона человека, поразительно похожего на одного из ведущих политиков современной России В.В.Жириновского, на которую может полюбоваться любой желающий в You Tube.

Но куда большее позволяют себе некоторые представители власти на местах, что охраняют наше законодательное право, но сами презирают его. Возможно, кто-то сейчас

станет противоречить мне, что это вовсе не так, но посмею утверждать, что в нашей стране самыми отъявленными браконьерами являются представители различных силовых ведомств и представители иной власти. В сущности «неприкасаемые» сегодня. С которыми не желает связываться ни инспекция, ни собственная служба безопасности (не считая браконьерство за особое нарушение) и тем более общественность из простого народа. Из-за давно уже укоренившегося в сознании каждого российского гражданина разума, что от нашего полицейского или работника других структур, который без зазрения совести способен даже на незначительное нарушение закона, можно ожидать всего, что угодно.

Подобное наблюдалось и в советское время, но тогда над всем в стране властвовали партийные органы и обоснованная жалоба простого гражданина в райком или горком, чаще всего была способна мгновенно пресечь любые неправомерные деяния, хоть милиции, хоть прокуратуры.

Но сегодня в России уже сформировалась устойчивая система, при которой каких-либо по-настоящему действенных возможностей для простых граждан прекратить противоправные деяния властных структур во всех областях жизни, а не только в той области, о которой мы с вами говорим, нет никакой реальной возможности. Тем более, когда практически любому охотнику и рыбаку в отдалённых от центра местах, пусть и в законное для рыбалки или охоты время, можно смело сказать: «Сам такой!», о чем мы с вами уже упоминали.

«...По устному сообщению работников охотинспекции одного из дальневосточных субъектов федерации, сотрудники правоохранительных органов и органов исполнительной власти составляют более 80% среди браконьеров, промысляющих незаконной охотой на копытных животных с применением запрещенных методов охоты, в основном с применением автотранспорта...» (прямая цитата из исследований Всемирного фонда дикой природы (WWF) в России).

Более чем уверен, и это вам подтвердят многие жители отдалённых районов страны, что если нынешней весной на 4-5-й день после ледохода поднять в воздух вертолёты и по-настоящему перекрыть проходимые небольшими судами многочисленные таёжные реки, то на каждой из них можно выловить не менее десятка лодок с прибывшими туда «находящимися на службе лицами в погонах» от высших чинов до низших, что «охраняют реку от браконьеров». Но если досмотреть их плавсредства при возвращении с подобной «охраны» домой, икру можно считать ведрами, а рыбу и мясо куда более объёмными ёмкостями – весь зверь после зимы на берегу, и рыба валом идёт на икромет. При этом ни одного составленного протокола вы у этих «охранников природы» никогда не найдёте.

А вот на других таёжных реках, которые не в состоянии охранить теперь ни инспекция, ни «охранники в погонах», в первую неделю после ледохода дело нынче доходит до откровенных кулачных боёв за места, где можно поставить сети. Видимо скоро можно будет услышать, что дело дошло до стрельбы.

Тогда как в стародавние времена в российских сёлах и деревнях не позволялось во время нереста бить на церквях в колокола, дабы не пугать рыбу, занимающуюся воспроизводством своего потомства. Лов рыбы с нерестовый период и отстрел копытного зверя весной на берегах, главный бич сегодня в отдалённых местах Сибири.

Так к чему же мы пришли в нынешней России?

Признаюсь откровенно, собирая материал для этой статьи и анализируя как его, так и всё то, что видится вокруг, искал хоть мизерную зацепку, которая бы показала хоть какое-либо изменение к лучшему за последние четверть века после развала СССР, в той части жизни нашего общества, о которой пишу – в промысловой и любительской охоте, рыбной ловле, а также в охране природы. Но не нашел ничего, что бы указывало даже на возможные перспективы улучшения ситуации в будущем. При той, уже заметно

укоренившейся системе, созданной в нашей стране. Мы, к сожалению, неминуемо катимся в пропасть.

Не скрою, что более всего волнует судьба простого российского мужика, на котором всегда Россия держалась. А также будущее Сибири и Дальнего Востока, как бы это для кого-либо пафосно не звучало.

Лично для меня наиболее показательным примером, в каких жизненных обстоятельствах оказался сегодня сибирский мужик в отдалённом месте, является приватный рассказ одного из дальневосточных промысловиков, когда он два года назад, двигаясь зимой в тайге вдаль от охраняемых территорий по своему путику, нос к носу столкнулся с огромным тигром. И минут пять боролся сам с собою, держа на мушке карабина голову зверя и решая в своём мозгу труднейшую для себя задачу, нажать на спуск или не нажимать. С одной стороны, ему не хотелось стать убийцей редчайшего краснокнижного животного (в отличие от известных нам чиновников на вертолёте), с другой же, на кону стояла реальная возможность многое в своей жизни поменять – купить новый автомобиль и значительно пополнить бюджет своей семьи. \$20 000 - \$25 000 платят сегодня наши восточные соседи за шкуру и иные дериваты одного тигра. А то, что он сумел бы всё это китайцам подпольно реализовать, у этого охотника нет сомнений и поныне. Выстрел всё-таки раздался, но только в воздух – тигр скрылся с глаз, как будто его не бывало.

Сегодня, первое лицо государства, позиционируя себя ярым защитником природы, возможно в действительности, а скорее куда более во имя собственного пиара, спасает уссурийских тигров, леопардов (барсов) и на мотодельтаплане с инструктором учит летать редчайших белых журавлей стерхов. Но знает ли он, что творится в наших лесах и на водоёмах?

Численность антилопы сайга в степях нижнего Поволжья уменьшилась на сегодняшний день до критических нескольких десятков тысяч особей с миллионных отметок в советское время.

На сегодня практически полностью утрачена Яно-Индибирская популяция дикого северного оленя в Саха-Якутии, насчитывавшая до развала СССР более 130 тысяч особей. Этому способствовали как волки, уничтожающие, наряду с «дикарём», домашние стада оленей и лошадей, так и погодные условия, при которых снежный наст не давал возможности оленям прокормиться.

Прошедший по южным районам Якутии нефтепровод ВСТО изменил пути миграции животных. С началом работ, местные жители практически прямо на окраинах своих населённых пунктов «валили» сохатых (лосей) десятками, а сегодня в публикациях нам говорят о том, что численность лося в республике уменьшилось в 3-4 раза, чем его было четверть века назад.

По словам местных жителей, прокладка нефтепровода по дну реки Лена остановила движение проходной рыбы вверх, но каких-либо исследований на это счёт не было вовсе и видимо не будет никогда.

Сегодня уже стало обычным делом, что осенняя охота на гуся в отдалённых местах чаще всего ведётся при помощи фар в ночное время с лодок.

Как и этот же способ браконьерства является самым распространённым видом отстрела копытных, с использованием автотранспорта по всей стране. Занимаются им, как правило, «неприкасаемые» в погонах, не страшась того, что их кто-либо накажет.

Сегодня Соцсети и форумы в Интернете обнажили всё, что связано с рыбалкой и охотой. В них вы можете для себя узнать массу интересного. Как, к примеру, в отсутствие вертолёта при помощи пароплана с мотором за спиной правильно загонять копытных на линию стрелков. Или как сделать так, чтобы отстрелянные гильзы из автоматического

оружия не попадали под винт, когда «долбишь» с воздуха из мотодельтаплана косуль, оленей, лосей или кабанов. Как правильно поставить ногозахватывающую петлю на звериной тропе, чтобы зверь, попав в неё, дождался прихода «охотника» живым.

Другие с вами поделятся, как они теперь ловко расставляют на звериных тропах фотоловушки, что фиксируют точное время прохождения животных по этой тропе – вам останется данными только воспользоваться.

А от предложений на приобретение разнообразных «электроудочек», прямо в глазах рябит.

Можно было бы здесь и сейчас привести не менее подлые современные новации в сфере браконьерской добычи, но рука не поднимается это сделать, дабы кто не воспользовался ими. Пока наша охот или рыбинспекция введёт запреты на подобные «новшества» и станет с ними по-настоящему бороться, думаю, к тому времени поголовье зверей в российском лесу и рыбы в воде окончательно приблизится к нулю.

Возможно кто-то, прочитав всё вышесказанное, подумает, что автор просто нагнетает обстановку и всё ещё не столь страшно. Но давайте сравним цифры официальной добычи зверей в России, с добычей в США и в некоторых странах Европы, включая Беларусь. У которой стартовые (ресурсные) позиции с нашей страной четверть века назад были совершенно равными. Но её власть сумела их удержать и даже несколько улучшить, хотя и не добила пока показателей подобных западной Европе. В основном из-за браконьерства в своих лесах, как это белорусы сами признают.

Таблица
добычи отдельных видов копытных животных в разных государствах
за один календарный год.

	Германия	Австрия	Швеция	Финляндия	Франция	Беларусь	США
Площадь страны относительно России	1/48	1/202	1/38	1/52	1/31	1/83	56,2% площади России
Количество охотников (процент от всего населения)	338 000 чел. (0,4%)	110 000 чел. (1,4%)	320 000 чел. (3,6%)	300 000 чел. (5,8%)	1 625 000 чел. (2,7%)	130 000 чел. (1,3%)	свыше 13 000 000 (6%)
Добывается в год (шт.)						В среднем в год (взяты 2010-2014 гг.)	В год добывается порядка 10-11 МИЛЛИОНОВ копытных. Из них только белохвостого оленя изымается более 6 млн. голов

Косуля	Свыше 1045 000	около 230 000	около 220 000		около 410 000	6273	
Кабан	около 420 000	около 23 000			свыше 307 000	32576	
Благородный олень	около 50 000	около 38 000		около 15 000	около 35 000	876	
Лось			свыше 100 000	около 65 000		2327	
Лань	около 40 000	около 290					
Серна	около 4 500	около 26 000					
Муфлон	около 5 500	около 1 500					
Всего в стране добывают копытных в год	1565 000	318 790	320 000	80 000	752 000	42 052	
Добыча копытных в год на одного охотника	4,63 особи	2,9	1,0	0,27	0,46	0,32	0,8
В строке «Добыча копытных в год на одного охотника» стоит учитывать массу добываемого зверя. Где добытую в Германии косулю нельзя уравнивать с лосём или оленем в Финляндии или Швеции.							

(Данные по зарубежным странам взяты из Научно-теоретического журнала «Охотоведение» №2(52) «Зарубежный опыт охотничьего хозяйства» ВНИИОЗ 2004г. Но вы можете даже не сомневаться - количество добываемой дичи в приведённых странах за последние 12 лет нисколько не уменьшилось, а кое-где даже увеличилось. Данные по Беларуси любезно предоставлены правительством этого государства.)

А вот эта таблица взята без всяких изменений с сайта ФГБУ Центрохотконтроль

Лимиты и добыча основных видов охотничьих животных в Российской Федерации

Вид животного	Лимиты и добыча в сезон охоты, особей				Изменение добычи в 2013 г. к 2012 г., %
	2011-2012 гг.		2012-2013 гг.		
	Лимиты	Добыча	Лимиты	Добыча	
Копытные:					
Лось	33527	24246	34088	26000	7,2
Дикий северный олень	71680	23859	71798	41290	73,1
Косули	47186	30101	52036	35064	16,5

Вид животного	Лимиты и добыча в сезон охоты, особей				Изменение добычи в 2013 г. к 2012 г., %
	2011-2012 гг.		2012-2013 гг.		
	Лимиты	Добыча	Лимиты	Добыча	
Благородный олень	7373	4180	7897	4523	8,2
Пятнистый олень	989	710	989	763	7,5
Кабан	105410	57980	108676	61569	6,2
Кабарга	6970	5485	7692	5583	1,8
Кавказский тур	643	203	522	197	-3,0
Серна*	15	14	20	14	0,0
Сибирский горный козел	499	115	440	210	82,6
Снежный баран	781	249	771	253	1,6
Овцебык	60	3	70	4	33,3
Сайгак	-	-	-	-	-

Глядя на приведенные в таблицах цифры, любой читатель увидит, что в сегодняшней России на 2.7 миллиона охотников, копытных легально добывается всего около 175 тысяч особей (0,065 зверей на каждого в стране охотника). Что в десятки раз меньше, чем в странах Европы и Нового Света. А если эти цифры пересчитать на площадь стран, то продуктивность угодий станет разниться уже в сотни раз. Но давайте не станем забывать, что легальная добыча в России не имеет ничего общего с истинным положением дел, как мы с вами уже договаривались.

Кроме прочего, существенная разница между квотами и реализацией лицензий, говорит нам ещё и о том, что охотники не выкупают их из опасения, что деньги будут потрачены, а зверя добыть они не смогут. Поскольку процент использования приобретённых разрешений на отстрел колеблется сегодня в пределах 85-90% даже в Сибири. Чего во времена СССР никогда не наблюдалось.

Данные по копытным приведены как наиболее показательные. Можете не сомневаться, что положение дел с другими видами охотничьих животных, ничуть не лучше – в стране отмечается только переизбыток волков, шакалов, кое-где лис, енотовидных собак и расплодившихся норок. А те же зайцы, что являются для многих любителей охоты в нашей стране самой желанной добычей, скоро, видимо, действительно будут наперечет.

Так чья же в том вина, что сегодня Россия оказалась в такой ситуации?

Без всякого сомнения, в основе всего лежит государственная политика той власти, которую мы сами выбираем. Об этом же говорит вся мировая практика – историю творят личности, поддержанные своим народом. Иногда, правда, загоня её в тупик.

К концу XIX века подобное положение дел с отсутствием в угодьях диких зверей сложилось в США. Но в начале XX века президентом в этой стране был избран Теодор Рузвельт (не путать с Франклином Делано Рузвельтом), сам опытный охотник, озабоченный отсутствием дичи. Который вместе с историком, писателем и антропологом

Джорджем Бёрдом Гриннеллом (*George Bird Grinnell*) в законодательном порядке создал предпосылки к изменению ситуации. Что поспособствовало организации **единой** (а не разорванной на части, как в России, где и спросить не с кого – «У семи нянек дитя без глазу!») Службы Рыбы и Дикой природы США, которая стала за всё в ответе. Эти начинания подхватили все охотники страны, вместе со многими известными людьми. Основную концепцию в преодолении кризиса теоретически обосновал и развил писатель, учёный, эколог и защитник окружающей среды Альдо Леопольд (*Aldo Leopold*). Именно тогда зародилась Североамериканская Модель Охотоведения (*North America Wildlife Model*), которая продолжает развиваться до сих пор.

И, которую, не грех было бы в современной России взять на вооружение.

Благодаря разумным действиям, Соединённые Штаты со своими соседями на Североамериканском континенте, сумели добиться исключительных результатов в возрождении национальной дикой природы и в экологическом воспитании населения. В первую очередь охотников и рыболовов.

Сегодня в этой стране пресс диких копытных на окружающую среду и сельскохозяйственные угодья таков, что в некоторых местах вынуждены прибегать к отстрелу кабанов с вертолётов и предпринимаются попытки стерилизации белохвостых оленей, дабы искусственно сократить их популяцию (охотники не справляются).

Как минимум 8 из 10 охотников (практически все, кто этого пожелает) ежегодно имеют возможность добыть по одному копытному животному для собственного стола.

А теперь для всех любителей охоты в России маленькая цитата об этом заморском государстве, как бы наши власти к нему не относились:

*По данным IAFWA (Агентства Рыбы и Дикой природы США): «.. ежегодный экономический эффект в стране только от осуществления самого процесса охоты без учёта стоимости добычи, оценивается примерно в **65-70 миллиардов долларов в год...**»*

Вы можете себе представить эту сумму? Я нет. В нашей стране в 2014 году было добыто 272 тонны золота. Так вот его цена составляет сумму 6,5 раз (!) меньшую, чем все американские охотники тратят в год на любимое развлечение.

Подобные преобразования в охотничьей отрасли за последнее столетие сумели провести у себя все без исключения развитые страны мира (кроме самого большого по площади государства). Как и ближайшие наши соседи – Швеция, Норвегия и Финляндия (100 лет назад часть России), в которой диких копытных зверей тогда почти не наблюдалось, а сегодня там одних только лосей добывается в 2 с лишним раза больше, чем официально на всей территории РФ. Хотя площадь Финляндии в 31 раз меньше площади России и охотников почти в 10 раз меньше.

В то время как на всей планете охотничьи колбаски традиционно принято вырабатывать из дикого мяса, сегодня производители на Руси их вовсю делают из мяса кур. Как же горда была собой лет 10-12 назад верховная власть РФ, когда «сумела накормить народ быстрым мясом». Но забыла отчего-то всех граждан страны предупредить, что это мясо выращено на вредных для человека стимуляторах роста и анаболических стероидах, когда цыпленок от момента вылупления из яйца и до его забоя живёт всего 38-41 день (дольше его кормить невыгодно), достигая за 6 недель жизни, веса в 1.5 кг. Тогда как мужик в сибирской деревне ещё 100 лет назад корову держал в основном ради молока для своих детей, кур – ради яиц, а мясо для своего стола добывал дикое.

Рассчитывать сегодня на то, что наша верховная власть пойдёт на какие-либо радикальные изменения в охотничьей отрасли страны, к сожалению совсем не приходится. Стоит лишь одним глазком взглянуть на «Стратегию развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года». Более всего похожую на декларацию о намерениях, кои никогда, никого, ни к чему, не обязывали, как известно. Тем более, вчера

всю охоту в РФ курировал зоотехник, но всё же озабоченный проблемой переизбытка волков в стране, а сегодня на его место пришел юрист с дипломом магистра делового администрирования (МВА. Женева), работавший до своего департаментского кресла в неизвестных коммерческих структурах. И, отчего-то всё кажется, получивший свою должность, лишь как стартовую для карьерного роста во власти. Не имеющий при этом в своём аппарате ни одного опытного специалиста – охотоведа-практика. (Снимаю шляпу перед профессионалами ФГБУ Центрохотконтроль. А то, боюсь, начини и они «рисовать» статистику во имя «высоких идей» или «в угоду», то и рассуждать здесь было бы не о чем).

Так насколько глубоко юристу, пусть и получившему лучшее стандартное образование администрирования в мире, известны проблемы той, некогда немалой отрасли России, коей ему доверили сегодня порулить? И во многом благодаря которой, 50 лет назад, страна получила алмазы, нефть, газ, никель и алюминий, доминирующие сегодня в российском экспорте и являющиеся основой Госбюджета. Где, по-вашему, Советский Союз брал валюту, дабы покупать различные станки и технику, пока не научился производить свою (а чего-то делать хорошо, совсем не научился)? Дабы все эти месторождения разведать и запустить производство. Только ли одна продажа золота и драгметаллов способствовала этому? Немало этому способствовал и «валютный цех страны».

Что этот руководитель сам лично понимает в той отрасли, которой он руководит? Не хочу никого обидеть, но вопрос принципиален – от него в немалой степени зависит, как будут жить, чем будут жить, и что мы оставляем после себя идущим за нами поколениям россиян. (Не побоюсь громких слов). Сколько лестных отзывов мы от них получим? Или одни плевки и грубые матерные тирады в наш адрес? Время, конечно, покажет, но, боюсь, во многом совсем иное, чем нам старается навязать известная, мало в чём объективная, на мой взгляд, с заранее определённой доминантой, программа на Первом государственном канале ТВ.

Перед властью страны стоят иные задачи – надо подольше оставаться наверху и не забывать о предпочтениях в бизнесе своих ближайших родственников и друзей. Объясняя всё происходящее внутри России не своими промахами, часто полной некомпетентностью, дилетантством и бездействием, а ссылаясь на якобы объективные причины, да на советско-ельцинское наследство. Ведь у нас за последние четверть века сократилось не только поголовье диких зверей в лесу, но и количество граждан страны. Даже по официальной статистике, которой сегодня верить, увы, не приходится, мы по народонаселению всё ещё не достигли того уровня, что был в РФ на момент распада СССР в 1991 году.

Единственной возможностью сотворить настоящую революцию в деле возрождения былого величия дикого животного мира России, можно будет лишь только тогда, когда хотя бы в законодательную власть придут не лоббисты своих финансовых интересов и не статисты от партий власти (спортсмены да артисты), что видятся в креслах Госдумы сегодня, а люди понимающие и по-настоящему болеющие за будущее страны. Живущие в реальном, а не в иллюзорном мире. Который нам всё более и более насаждают наши СМИ.

Можете ни на йоту не сомневаться, радикальные изменения во всём, что связано с дикой природой России, рано или поздно, всё равно придётся провести – никуда от этого нашей стране будет не деться. Всем нам стоит уразуметь, что всё происходящее сегодня в данной области, это болезнь и, к великому сожалению, прогрессирующая. А любую болезнь, как известно, надо лечить в нарождающейся стадии, а не тогда, когда «уже почки отсохли» (из русской поговорки).

Потому, думается, в нашем государстве давно уже остро назрела насущная необходимость в создании политической партии по типу французской «Охота, рыбалка, природа, традиции» ([фр. Chasse, pêche, nature et traditions, CPNT](#)). Что до 2009 года была представлена в Европейском парламенте.

Нас миллионы – охотников и рыболовов!

Самых активных и деятельных граждан страны!

В противном случае мы с Вами так и будем наблюдать не наличие диких животных в наших лесах, а как ради собственного пиара учат летать стерхов, да спасают барсов с поцелованными в нос тиграми. Которых, без сомнения, тоже надо всячески оберегать и бороться за их сохранение. Но сделать так, чтобы они потом не появлялись в населённых пунктах от бескормицы в тайге. С огромным желанием стянуть с цепи себе на пропитание собаку из ближайшего двора. Как нам об этом с энтузиазмом рассказывают СМИ.

Здесь я выразил свою точку зрения на огромную проблему нашей страны, как мне отчего-то искренне кажется. Ваша же точка зрения может быть совсем иной. Как и Вы, возможно, не замечаете вовсе никакой особой беды в том, что в лесах самого крупного на планете, обладающего самыми большими лесами в мире государства, осталось так мало дикого зверя вместе с рыбой во внутренних водоёмах. Точно так же, как никакой проблемы в этом не видит и наша власть.

Но тогда, боюсь, Вы вместе с нею живёте в другой стране, и она у Вас называется вовсе не Россия.

Да, видимо, и планета тогда у Вас совсем иная.

Все фотографии, приложенные к данной статье и не имеющие авторства, найдены на просторах Интернета.
